
18+
Надежда Лаврова
Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут
Иронический околонаучный детектив

Надежда Лаврова

Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут. Иронический околонаучный детектив

«Издательские решения»

Лаврова Н.

Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут. Иронический околонаучный детектив / Н. Лаврова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-562049-1

Приключенческий детектив с захватывающим, динамичным сюжетом, запутанной интригой, ироничным повествованием, в которое аккуратно вкрапляется познавательный материал. Что надо международной банде преступников от обычной учительницы химии из небольшого городка? Бандиты так и нарываются на неприятности — то в квартиру залезут, то главную героиню похитят и всё требуют отдать им что-то очень ценное, а когда девушка оказывается на грани жизни и смерти, помощь приходит совершенно с неожиданной стороны.

ISBN 978-5-00-562049-1

© Лаврова Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут 8
Глава 1. Навстречу большой и светлой… 9
Глава 2. Не так давно всё это было… 21
Глава 3. Такая странная дружба… 28
Глава 4. Золотинка и Заря 39
Глава 5. Вперёд, к новым берегам! 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут Иронический околонаучный детектив Надежда Лаврова

© Надежда Лаврова, 2023
ISBN 978-5-0056-2049-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие читатели!

Вашему вниманию предлагается нестандартный, иронический, околонаучный детектив «Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут». Это книга с закрученным, детективным сюжетом, в которой нет ни погонь, ни драк, ни трупов, а есть только скелет Гоша, и он играет важную роль в повествовании.

Главная героиня – не частный сыщик, не изнеженная богатая дамочка, а обычная учительница химии из небольшого отдалённого городка, у которой, в силу сложившихся обстоятельств, появилось скромное женское желание – найти, наконец, спутника жизни.

Но что надо двум колоритным личностям – Бугаю и Хипстеру от главной героини и её подруги, учительницы биологии, с таким странным именем Люсиэлла? Почему они так настойчиво нарываются на неприятности – то в квартиру залезут, то главную героиню похитят? И главное – почему преступники требуют отдать им самое дорогое, что есть у девушек? Неужели их так заинтересовала экспериментальная энергетическая установка под названием «Микробный топливный элемент», созданная девушками?

И причём здесь кандидат в депутаты, международная банда мошенников и обаятельный майор спецслужб, внезапно появившийся на пороге как воплощение девичьих грёз, и с первого взгляда покоривший сердце главной героини? Она готова идти за ним хоть на край света, но не догадывается, что помыслы его не так благородны, как кажется девушке, и она попадает в новую передрягу.

И, наконец, почему скелеты не тонут, а тонет главная героиня? И кто же придёт ей на помощь? Вот и приходится главной героине применить свои скромные знания и навыки выживания в экстремальной ситуации, чтобы спасти себя и свою подругу, т.к. представители закона просто не могут поверить в реальность существования в маленьком городке такой неправдоподобной ситуации, в которую оказались втянуты девушки, и считают все их заявления фантазиями «шизанутых училок».

А как же девичьи мечты о счастье? К чему приведёт юношеский максимализм и некоторая доля женской эгоистичности главной героини, которая не могла поверить, что она может быть объектом обожания, которая так и не смогла понять скупое мужское проявление чувств

своего друга детства, а теперь уже молодого офицера Сил Специальных Операций, долгое время находящегося в засекреченной командировке?

Эта книга для тех, кто не просто хочет провести время за увлекательным чтением, но ещё и немного подумать, узнать что-то новое и увлекательное.

Действие этой истории развивается в наши дни, когда невидимая тень эпидемии COVID-19 рушит все планы и видоизменяет жизненные траектории.

Захватывающий, динамичный сюжет, запутанная интрига, ироничное повествование, в которое аккуратно вкрапляется небольшая доза познавательного материала, не оставят равнодушным широкий круг читателей разного возраста.

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения имен и фактов с реальными людьми, живыми или мертвыми, случайны и непреднамеренны .

С уважением и любовью, Надежда Лаврова

Изумрудные майские ночи, или Скелеты тут не тонут

«Вы никогда не узнаете, что искали, пока не найдёте это»
(Стив Джобс)

Глава 1. Навстречу большой и светлой…

Смеркалось. Я шла, облучая всё вокруг своим обаянием, распространяя гигабайты очарования, и радостно улыбаясь заваливающемуся за горизонт солнцу. Вековые сосны молчаливо смотрели мне вслед, жадно цепляясь подагрическими корнями за покрытую хвоей землю.

Стояла загадочная тишина, такая, какая бывает, когда вот-вот начнётся что-то сверкающее и грандиозное, например, салют или гроза. Конечно, салют я сразу исключаю, а вот гроза… Я внимательно посмотрела на небо – неужели, оно способно сделать такую вселенскую гадость и испортить мне такой прекрасный вечер? Но, нет. Тишина была не по прихоти природы, а по причине вечернего времени суток, когда родители уже зазвали детей домой и чинные семейства приступили к вечерней трапезе, сопровождая её просмотром телевизионных передач.

«Да, в семье должно быть количество телевизоров, равное количеству членов семьи», – не совсем в тему подумала я. Женщины почему-то любят сплетни наподобие передачи «Пусть говорят», а мужчины предпочитают заочно принимать участие в политических дебатах, таких, как, например, «60 минут», жарко споря с приглашёнными выступающими гостями, сидя дома на диване.

«А вот в нашей семье у каждого будет свой телевизор! – перекинулась моя мысль на развитие мечтательного сюжета, зарождённого предвкушением вечерней романтической встречи. – Я буду смотреть «Женский Стендап», а он пусть смотрит свой канал «Звезда».

Почему «Звезда»? Не знаю, просто, когда незваный гость строго и официально представился: «Майор спецслужб Васюков Антон Леонидович», я сразу подумала, что канал «Звезда» создан именно для него. И, если бы редакторы увидели этого офицера, то, явно, предложили бы ему стать лицом канала. Да, атлетически слаженный, высокий, голубоглазый блондин с красивым прямым носом – мечта моих девичьих грёз, волшебная таблетка от разочарования! Разве я могла представить, что он, вот так, просто, придет и позвонит в нашу дверь, в этом маленьком, забытом государством городке, на далёком острове.

Но чудо произошло! Утром Бугая увезли в больницу с непонятным диагнозом, Хипстер томился где-то в застенках у сержанта Серёжи Лёвушкина, а мы с моей подругой Люськой бурно обсуждали реальность существования, если не на всём белом свете, то в нашем городке, этого статного голубоглазого красавца с военной выправкой, в рубашке небесного цвета. Конечно, я в его реальности не сомневалась, а Люська настаивала на версии, что у меня типичное «когнитивное заблуждение». И вот моё «когнитивное заблуждение» стояло передо мной в дверях!

Я, онемев, смотрела на гостя, который решил повторить свой заход: «Разрешите представиться…», – опять начал он, а я, конечно, мысленно разрешила не только представиться, но и представить… Люська же, подозрительно глядя на него, задала наводящий вопрос: «Каких служб?», а незнакомец, честно глядя ей в глаза, твёрдо и уверенно произнёс: «Специальных!» таким тоном, что уточнять уже не захотелось.

– Наконец-то! Вы спецагент? Вы по поводу нашей научной разработки? До Вас дошло? Извините, я хотела сказать – до Вас дошла информация… Да, это мы придумали, сами сделали, она работает, и производит абсолютно экологически безопасную энергию, а они… Вы знаете, как страшно? Они хотели ограбить нас! Один большой, Бугай, страшный, ну прямо Шрэк, другой маленький, не страшный, с мочалкой на голове, но с ножичком ходит, – быстро затараторила я, пытаясь, на одном вдохе, выдать всю информацию, не давая нашему гостю возможности вставить ни одного слова, как будто опасалась, что он сейчас скажет: «Извините, я перепутал адрес!» и уйдет в своё «когнитивно диссонансное» небытиё.

– Помедленнее, девушки, помедленнее, – спокойным, уверенным голосом произнёс он. – Сейчас мы всё выясним и зафиксируем.

Его голос показался мне странно знакомым. Хотя, чего странного, именно таким голосом должен был обладать мой избранник, именно такой голос звучал в моих мечтах.

– А почему Вы без папки с документами? – опять подозрительно спросила подруга.

– Ну, вы же дадите мне бумагу и ручку? Вы же учительницы, у вас точно это всё есть? – очаровательно улыбнулся мне посетитель.

– Конечно, есть! Сейчас принесу! – радостно рванула я за бумагой и ручкой, но была остановлена рукой подруги.

– Насколько я знаю, для ведения протокола допроса требуется специальный бланк, – полувопросительно произнесла Люсиэлла.

– Конечно, Вы правы! Я вижу, что Вы не только ослепительно красива, но ещё и блистательно умна! – с ходу выдал Люське комплимент майор в штатском. Я немного напряглась. – Но, я же не хочу производить допрос таких прекрасных дам, я только сделаю опрос, выясню обстоятельства, а потом мы всё запротоколируем в отделении полиции. А сейчас я прошу представить мне для осмотра все те объекты, которые явились причиной совершения в отношении вас преступных действий неустановленными лицами.

– Да-да! Конечно! Сейчас принесу! – радостно выразила я готовность сотрудничать с органами, неважно, с какими, главное, что именно он являлся частью этих органов.

– А зачем нести? Вы можете пройти в столовую и там всё посмотреть, – разумно рассудила Люська.

Мы чинно прошли на кухню, которая одновременно являлась и столовой, и местом нашего вечернего девичьего общения.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – как на званом вечере, благородно произнесла Люська. Все сели. Воцарилось молчание.

– Как вы знаете, операцию мы провели блестяще. Всех преступников обезвредили, так что, теперь, вся надежда на вас. Прошу вас, принесите все объекты, мне надо изъять их как вещественные доказательства, – первым не выдержал гость.

«Странно, куда ещё нести? – удивилась я. – Он же и так на них смотрит. На стол, что ли, поставить, прямо ему под нос?».

Подумав так, я сразу решила претворить свою мысль в дело и метнулась к окну.

– А разве Вы не будете приглашать понятых, которые необходимы при изъятии вещественных доказательств? – удивилась Люська.

– Зачем нам понятые? Я все объекты заберу для исследования, являются ли они тем, что мы ищем, потому что, если это не то, то зачем вам надо фигурировать в сводках полиции… – майор начал пытаться объяснить ситуацию непонятливой Люське. – Вы ведь такие молодые, хорошие специалисты, ответственные учителя, дети вас любят, родители уважают, а тут такая информация, что у вас изъяли что-то подозрительное…

– А у нас подозрительное изымать не надо, вернее, нет его, подозрительного, мы ничего криминального не храним и ничего не совершали! А если Вас Ваш Кобякин ввел в заблуждение по поводу дигидрогенамонооксида, так это всё от его необразованности. Что Вы нас пугаете? Давайте делать всё по закону, – не успокаивалась Люська.

«Что она делает? Зачем она это говорит? Ведь он сейчас уйдёт, а нас вызовут в отделение полиции, и там начнёт составлять протокол какой-нибудь нудный лысый сотрудник, а не этот красавец…» – панические мысли о том, что я в последний раз вижу это реальное воплощение своей мечты, активизировали мои действия.

– Ну, так что, несёте вещественные доказательства?!

– Да! Нет! – синхронно воскликнули мы с Люсей.

На самом деле это был вопрос только согласно грамматике. А прозвучал он так, что стало ясно – всё уже давно решено «ТемКемНадо», и от нас ничего не зависит. Нам нужно только это подтвердить для галочки и принести наших зелёненьких, т.е. новую мутацию сине-зелёных водорослей, которые мирно существовали в жиже зеленоватого цвета, заставляя эффективно функционировать придуманный и собранный нами микробный топливный элемент.

– Скажите, а зачем Вам наши телефоны? Ведь это преступники их у нас взяли, а Вы у них. Я же видела… – подруга всё пыталась уличить в чём-то прекрасного незнакомца.

– Не отрицаю, взял. Но всё это исключительно для проведения следственно-розыскных мероприятий. По окончании следствия телефоны будут вам возвращены, – не сдавался он.

– Кстати, а куда Вы дели Кобякина? Он хоть и неприятный тип, но приходил с протоколом, и вёл его так, как положено, – не успокаивалась подруга.

– Он отстранён от расследования за халатное отношение к обязанностям, – спокойно парировал её нападки майор.

– Странно, но мне не показалось, что халатное… Он очень рьяно хотел обвинить нас хоть бы в чём, по принципу, был бы человек, а статья найдется.

– Вот именно, поэтому-то меня и направили к вам, чтобы выяснить все обстоятельства дела, наказать виновных и защитить беззащитных.

– Значит, Вы и есть тот, кто к людям приходит, добро причиняет, от всех врагов защищает?

– Ну, зачем Вы так? Защитить честь женщин, особенно таких красивых – долг каждого офицера! – браво отрапортовал майор в штатском.

Я победно посмотрела на Люську. Вот так! И нечего его подозревать!

– А давайте пить чай! – радостно произнесла я.

– А давайте! – в тон мне ответил гость и задорно подмигнул голубым глазом.

– А у нас к чаю ничего нет! – встряла поперёк нашего начинающегося диалога подруга.

– Есть! Кипяток! – обнадёжила я гостя.

Люська, сидя за спиной у гостя, покрутила пальцем у виска, строя мне страшную физиономию, а затем ехидно произнесла: «Вы к нам с букетом, мы вам с „конфетом“! А конфеты у нас нет!» Ну что с подругой сделаешь? Неудачный опыт замужества сказался на её психике и теперь она в каждом мужчине, даже в таком надёжном, как майор Васюков Антон Леонидович, видит коварного искусителя, покушающегося на… На что? Да у нас и взять-то нечего, кроме зелёных цианобактерий, активно трудящихся сейчас в микробном топливном элементе.

Я включила чайник и грустно посмотрела на полки: «Подруга права, конфет у нас нет». Проследив за моим взглядом и заметив растерянность, офицер констатировал факт: «Да, вижу, у вас к чаю ничего нет, но это не беда».

Оказалось, что за нашими вечерними разговорами мы съели все запасы печенья, конфет и шоколадок, поэтому ничего, кроме заварки и пяти сушек, я предложить гостю не могла.

Испугавшись, что красавец тут же уйдет, не испив чаю, я вынула из шкафчика вазочку с сушками.

– Почему нет?! У нас сушки есть!

И, в доказательство того, что они всё ещё съедобны, эротично выпятив губки и сложив ротик колечком, я попыталась просунуть сушку в рот. Сушка не пролезала, и я замерла в позе рыбы, заглотнувшей слишком большой крючок, так как сушка застряла в моих зубах, а указательный палец застрял в сушке.

Увидев мои безуспешные попытки победить сушку, мужчина улыбнулся голливудской улыбкой и сказал: «Да что мы тут сидим! Понимаю, вы же из дома давно не выходили, то карантин, то грабители, то бандиты, наверно, вы не ели ничего. Я приглашаю вас в ресторан!»

Люська сразу стала отказываться: «Нет, я ела, и вообще, я воду пью. Я никуда не пойду!»

Мой принц смотрел на меня кристально чистыми, честными, голубыми глазами, которые, казалось, умоляли согласиться на встречу.

– У нас на острове нет ресторана, есть только кафе, – пояснила я.

– Хорошо, тогда я предлагаю вам поужинать и провести вечер вместе со мной, в вашем кафе, – его томный голос очаровывал. Казалось, что глаза Васюкова излучали тонкую нить паутины, которая окутывала меня со всех сторон как кокон, сковывая не только моё тело, но и мой разум, подавляя всякое здравомыслие. И этот голос, такой знакомый, обволакивающий…

– Да я… да… я еда… едала… я… ела уже… – жалобно заблеяла я.

– Она тоже никуда не пойдет! – решительно заявила Люська. – Ты что, забыла, что нам нельзя никуда выходить!

– Да не волнуйтесь вы так, девушка, – ласково ворковал Васюков. – Я всего-навсего приглашаю Дину Сергеевну поужинать. Чего вы боитесь? Денег мне ваших не надо, своих девать некуда. И ничего с вашей подругой не случится! Вокруг же люди!

– Вокруг же люди! – повторила я, жалостливо глядя на подругу.

– Ну, если только, под вашу ответственность… – начала сомневаться она.

– Без проблем! Можете быть спокойны! Накормлю, «натанцую», и доставлю по обратному адресу!

Нет, я помнила, что лишний раз выходить из дома нельзя не только из-за эпидемии коронавируса, но ещё потому, что внизу нас могут поджидать эти странные типы. Конечно, Хипстер был не особо страшен, мне кажется, что он сам всего боится… Но, вот, не уверена, точно ли полиция его задержала после ночного посещения школьного музея? Может быть, он сказал, что осуществлял акцию «Ночь в музее» и его отпустили? А его напарник, Бугай, с молотами вместо кулаков?! Он реально страшный! Что с ним произошло в нашей ванной комнате? Может быть, он ещё больше разозлился и поджидает нас за первой сосной для того, чтобы добить?

А, впрочем, чего мне теперь бояться! Мы ведь под защитой! Вот он, майор Васюков, собственной персоной, говорит, что всё уже закончилось, операцию спецслужбы провели блестяще, всех подозрительных типов скрутили и теперь они дают признательные показания. Вот, только, беда, то, что искали, пока так и не нашли. Нет вещественных доказательств, нет улик! Причём, сказал он это таким тоном, как будто произнёс: «Теперь это наши, мужские игры, детка!» Где-то я эту фразу уже слышала, в каком-то боевике, только не припомню, говорил это положительный герой или злодей? Да, впрочем, чего я заморачиваюсь! Вот он, герой боевика, «Джеймс Бонд», майор каких-то там специальных служб (каких – не знаю), вот он, сидит напротив меня и предлагает мне провести вечер вместе!

Конечно, у нас в городке нет шикарных ресторанов, как у него в Москве (я почему-то решила, что он из Москвы, а не из областного центра) и вечер ему придётся провести в нашем, единственном на весь городок кафе с характерным названием «У сосны». Название было оправдано тем, что кафе действительно располагалось рядом с большой сосной, к стволу которой, в летний период, прикрепляли тент, чтобы сделать летнюю веранду. Конечно, острословы тут же переименовали кафе в «У-у-у, сосни!», подразумевая, то ли, посыл «Поспи немного», то ли что-то эротического характера. Ну, понимал каждый так, как ему хотелось. Мне не хотелось сейчас никак думать об этом, а просто хотелось ещё раз окунуться в это глубокое море его глаз и быть ещё больше окутанной его бархатистым, убаюкивающим голосом.

В голове тут же сформировалась фантазия о том, как я пойду навстречу со своей мечтой: «На небе не будет ни одного облачка, птицы будут весело щебетать, прохожие улыбаться, а я, вся такая нарядная, буду идти на встречу со своим счастьем!»

Я заулыбалась своим мыслям и, заодно, майору Васюкову. Он встал, ободряюще подмигнул мне правым глазом, наклонился очень близко к моему уху, окутав меня каким-то волшебным запахом дорогого парфюма, и бархатным голосом, тихо и нежно, произнёс: «Я жду тебя, детка, ровно в двадцать часов, но, даже, если ты опоздаешь, я всё равно буду ждать тебя.

Помни, что я всегда жду тебя, и я верю, что ты придешь!» и скрылся за массивной входной дверью.

Я тупо смотрела на закрывшуюся дверь, время остановилось…

– Отмирай же уже, «Спящая царевна», – засмеялась Люська, так как первой вышла из-под андрогенного гипноза. – Ишь ты, как тебя «очумачечело»! Не верь мужчинам, все они козлы. Найти бы только то копытце, из которого они все водицу пьют, чтобы в козлёночка превратиться, да и утилизировать его, экологически чистым способом.

– Ой, мне надо собираться! – встрепенулась я.

– А я всё равно против!

– Против чего «против»?

– Против всего. Против твоего выхода из дома, против кафе «У сосны», против майора Васюкова как такового.

– Ты завидуешь, что он меня пригласил, а не тебя?

– Ну, ты – нимфоманка. Он же нас двоих приглашал, а согласилась ты одна, как будто мужиков никогда не видела.

– Таких, как он – не видела!

– А как же любовь всей жизни, твой Володя Зорин?

– Сама знаешь, что Вовка теперь не мой, а Наташин, и ведь ты же сама мне прописала смену объекта обожания в качестве антидепрессанта.

– Да, здесь ты права. Только что-то мне неспокойно, какой-то подозрительный тип, слишком «сладкий», таких в жизни не бывает.

– А вдруг всё-таки один появился?

– Каждая влюблённая женщина так считает, что именно ей повезло, и именно ей достался тот единственный, идеальный. Да что ты о нём знаешь? – строго вопрошала она меня.

– Он майор, – жалобно лепетала я.

– А ты видела его погоны? Ты видела его документы? Ты, может быть, знаешь, майор каких он служб?

Я грустно улыбнулась. Да, подруга права. Погоны я видела только в своём воображении (почему-то, с голубой полосочкой, как у лётчиков), майор пришёл к нам в простой рубашке в клеточку и в джинсах. «Это он специально, для маскировки. Он же на спецзадании», – сразу придумала оправдание я.

– И вообще, он из спецслужб, а там форму не носят, чтобы не светиться, – парировала я Люське.

– Из каких же? ГРУ, ФСБ, ССО, КГБ – начала ехидно перечислять какие-то аббревиатуры подруга. – Ах, да, КГБ ты не помнишь, тебя ещё тогда и на свете-то не было!

– Зато ты помнишь, – съязвила в ответ я. – Ну, значит, из ФСБ, или из полиции. Он же сказал, что из «специальных служб». Кстати, он помахал перед моим носом какой-то красной книжечкой.

– Ты бы хоть посмотрела, что там написано?

Нет, конечно же, я не смотрела в его удостоверение. Я смотрела в его красивые голубые глаза, в это лицо, слепленное по образу и подобию Аполлона, в красиво очерченные губы, до которых так хотелось дотронуться… Хоть мизинчиком…

Посмотрев на глупо-счастливое, мечтательное выражение моего лица, подруге стало ясно, что доводы разума здесь бессильны.

– Ладно, иди, – разрешила она. – Только, стой, в чем ты пойдешь? Не в футболке же и джинсах? Это же, какое-никакое, но всё-таки, кафе, а вечером туда приличные люди могут прийти, родители твоих учеников. Надо выглядеть так, чтобы тебе перед ними не стыдно было, да и перед конкурентками надо достойно предстать, ведь основная масса посетительниц кафе – женщины.

«Да, пожалуй, здесь Люська права, – подумала я. – Конечно, если он, увидев меня в футболке и джинсах сейчас, все-таки пожелал пригласить меня в кафе, значит, ему приглянулась я сама, а не внешняя оболочка в виде „крутого барахла“. Но, с другой стороны, он здесь на спецзадании, в командировке, а, учитывая серьёзный отток мужского населения из нашего городка на заработки в Москву, конкуренция среди слабого пола значительно возрастает. И не факт, что в кафе не будет более привлекательных для его взгляда персон».

– Всё, решено! – заявила я Люське. – Давай, наряжай!

Вот уж чего-чего, а это она умела и любила делать. Периодически подруга заявляла мне, что скоро напишет письмо в «Модный приговор» о том, что я одеваюсь не так, как должна это делать молодая девушка. По её мнению, я больше смахиваю на известную учительницу Снежану Денисовну в исполнении Сергея Светлакова в юмористическом сериале «Наша Russia». Ну, что делать, если мой «выходной» гардероб состоял из типично «училкиных» вещей. Блузы, юбки (даже была юбка «годэ»), пиджаки (это когда холодно). К счастью, в последние время она перестала пытаться заслать меня на эту передачу, когда увидев, во что там стилисты одевают героинь, сама не пришла в ужас. Сомневаюсь, что мне подошли бы широкие брюки по щиколотку, короткий свитер до пояса с широким воротником, который спадал с плеч, оставляя их голыми, клоунские ботинки – и всё это в ядовитой зелёно-красно-жёлто-розовой гамме.

– Ещё Коко Шанель говорила, что у каждой женщины должно быть маленькое чёрное платье, – менторским тоном начала Люська. – У тебя оно есть?

– Ты же прекрасно знаешь, что нет. Куда мне в нём ходить? На работу? После того, как постоишь у доски, вся в мелу, платье из маленького чёрного превратиться в «маленькое серое платье». А, кроме школы, больше я никуда не хожу.

– Да я знаю, что ты оправдываешься. Это я просто так, спросила, чтобы у тебя мысль заработала.

– Она и так работает, – парировала я. – Сейчас пойду свою самую нарядную юбку «годэ» гладить.

– Не в ту сторону работает! Ты должна быть элегантной, загадочной, стройной молодой девушкой, а не старой занудной дамой, – Люська загадочно улыбалась. – Ладно, сейчас увидишь…

Она ушла в свою комнату, и зашуршала пакетами. Я пошла вслед за ней.

– Але, оп! – жестом фокусника она извлекла из пакета что-то черное, трикотажное.

«Зимние колготки, что ли? – успела подумать я перед тем, как Люська развернула передо мной чёрный длинный трикотажный хомут с двумя отростками. – Зачем они мне сейчас, в мае? И откуда у меня третья нога?»

– Одевай, одевай, – одобрительно улыбалась она. – Вот оно, маленькое черное платье. Я его на AliExpress заказала, и оно ко мне недавно пришло. Я тебе не говорила, хотела сюрприз сделать. Вот и получилось!

Я с сомнением посмотрела на эту черную трикотажную трубу диаметром 10—12 см.

– Влезу ли? Думаю, что не только на туловище, но и на одну ногу я его не смогу натянуть…

Люська засмеялась: «Плохо ты думаешь о китайцах. У них всё растягивается! Давай, дуй быстро под душ!»

Не знаю, откуда у неё такая уверенность в китайцах, но я, поддавшись её напору, резво помчалась в ванную комнату, и резко остановилась на пороге.

«Там же Гоша!» – вспомнила я. Да, скелет величественно возлежал в желтоватой жидкости, раскинув по ванне свои конечности. Одна рука, вернее, её кости, свисала с бортика ванны, и за фалангу указательного пальца зацепился Люськин кружевной пеньюар. Да, та ещё композиция, а какой спектакль разыгрался в этих декорациях с участием Бугая, девушки и Гоши!

– Я не могу войти туда, – жалобно прошептала я Люське.

– Подумаешь, дел-то, – спокойно произнесла она и со свойственным ей хладнокровием занялась наведением порядка.

Посвежевшая, порозовевшая, я вышла из ванной комнаты и с опаской взяла в руки маленькое черное платье.

– Давай, одевай, оно растягивается, – подбодрила подруга. – Хотя, погоди. А что это у тебя будет под платьем?

– Бюстик и «труселя», всё чистое, – засмущалась я от таких интимных подробностей.

– Я не об этом спрашиваю. Почему у тебя «труселя» достают до талии и имеют нежно розовый цвет?

– Потому, что они такие удобные, мягкие, и с талии не сползают.

– Каждая женщина должна иметь маленькие чёрные кружевные трусики и черные чулки, – опять завела ту же шарманку Люська. – Только тогда она сможет чувствовать себя уверенной и самодостаточной.

– Кажется, то же самое нам говорила директор школы, Аделаида Львовна, про первую квалификационную категорию педагогического работника. А я и так чувствую себя уверенной и самодостаточной, даже в своих розовых трусиках. Я твердо знаю, что у них не порвется резинка и что они не сползут в самый неподходящий момент.

– А ты хоть раз пробовала черные?

– Нет, нужды не было.

– Вот когда попробуешь – поймёшь.

– Фу, какая-то у тебя наркоманская логика.

– Да я не об этом. Ты не чувствуешь себя сексуальной. Ты, в розовых панталонах, представляешь собой олицетворение хорошей учительницы, хорошей домашней хозяйки, но, к сожалению, не обольстительной кошечки. Учти, что твой «суженый» из Москвы, а там все ходят в черных кружевных трусиках и черных чулочках.

«С чего это она взяла? Знаю точно, что, когда мы были со школьниками в Москве на экскурсии, она не заглядывала ни под одну юбку, – скептические подумала я, – а, впрочем, ей виднее, у неё бывший муж за границей живёт».

– Только не надо мне сейчас ещё напоминать выражение «Красивое нижнее белье, как высшее образование – его не видно, но самооценку повышает». У меня самооценка не страдает, просто мне больше нравится удобство. А, впрочем, ладно, сдаюсь, когда ещё такого принца встречу, – сказала я и пошла в свою «сокровищницу».

Да, наверно, у каждой женщины есть такая «сокровищница» – это сокровенный, самый дальний угол в шкафчике, где лежат свернутые до лучших времён черные чулочки с кружевной силиконовой лентой и красивый, сексуальный комплект нижнего белья из черного, невесомого кружева. Эти «неприкосновенные запасы» поджидают лучшего часа, когда внутренний голос скажет, что только он, единственный и неповторимый, именно он, будет достоин увидеть и оценить такую красоту! И только ему даровано понять, какая сексуальная бабочка скрывалась в образе гусеницы в юбке «годэ». К сожалению, у некоторых женщин такие сокровищницы так и остаются нераспечатанными до тех пор, пока их обладательница, перейдя в предклимактерический период, не увеличится на несколько размеров в объёме и будет изредка доставать эти «сокровища», чтобы показать своей внучке, какой стройной она когда-то была.

Да, хотя я на работе пропагандировала образ «училки», а в обыденной жизни предпочитала футболку, джинсы и кроссовки, у меня тоже была такая «сокровищница», а в ней лежал «ни разу не одёванный» кружевной комплект чёрного белья с чулочками.

Превращение в сексапильную леди прошло успешно, осталось надеть только маленькое черное платье. Я взяла его в руки и тут же обратилась за помощью к подруге: «Люсь, здесь чего-то не хватает!»

– Чего может не хватать в простом платье?

– Я думаю, что брошки, чтобы понятно было, где перед, а где зад.

– Давай, натягивай! Если будет тянуть не в том месте, перевернёшь.

Я с сомнением стала натягивать большой трикотажный чулок на себя. «Интересно, наверно, так натягивают оболочку на сосиску? – вдруг подумала я. – А, впрочем, нет. В оболочку сосиски заталкивают сосисочный фарш, а я же не фарш…».

Локти предательски растягивали трикотаж в разных местах, голова почему-то полезла в рукав, и тут уверенные Люськины руки направили ткань в нужное русло и платье село мне точно по фигуре.

– Класс! – восхищенно воскликнула она.

Маленькое черное платье стало привыкать к своей новой хозяйке.

– «Лабутены»! – вдруг закричала Люська. – Тебе срочно нужны «лабутены»!

В этом я была с ней полностью согласна. Обувь фирмы Christian Louboutin была бы нужна каждой девушке, однако, даже на распродаже, такие туфли стоили больше 30 тысячи рублей, а это моя зарплата ровно за 3 месяца.

Не спорю, «лабутены» девушке нужны, но, к сожалению, у меня есть только обычные черные выходные туфли на высокой шпильке, в которых, как я предполагаю по Люськиной энергии, мне и предстоит сегодня мучиться весь вечер. «Лабутенов» у меня нет.

– «Щас» будут! – схватила Люська мои туфли. На кухне подозрительно запахло лаком для ногтей. Дорогая моя подруженька! Она всегда найдёт выход из положения! Я смотрела и умилялась. Как же сильно она заботится о моём будущем, что взяла свой новый лак для ногтей и сейчас усиленно раскрашивает им подошвы моих туфель, прямо, один в один как в известном клипе «На лабутенах».

– Всё, готово! Пусть подсохнут.

Получилось, конечно, не очень. Разводы лака выдавали происхождение «лабутенов», но я не стала расстраивать подругу.

«А, и неважно, – подумала я, – он же не будет мне под подошву заглядывать. Да и как? Если только я наступлю ему на горло… Скорее, я наступлю на горло собственной песне, если так долго буду собираться».

Я села на табуретку и стала натягивать новоиспечённые «лабутены». И тут оказалось, что маленькое черное платье, со скоростью скатывающейся рулетки, предательски устремилось вверх и собралось на сгибе моего сидящего туловища в виде толстенькой колбаски.

– Ничего страшного. Так и задумано, – оправдала Люська поведение своего платья. – Вот, представь, ты, придешь, сядешь, и, в силу своей застенчивости, не сможешь показать свои длинные красивые ноги. А платье – опа! И вверху! И всё, вроде, как бы, нечаянно!

«Надо же, какие хитрые китайцы. Как всё продумали», – мысленно похвалила я китайцев.

Но Люська всё не успокаивалась. Она вытащила из-под меня табурет, поставила его на центр кухни, положила на него плед, и закричала на меня: «Быстро! Вставай на колени!»

«Что это с ней? Временное помутнение?» – оторопела я.

– Успокойся, всё будет хорошо, – начала увещевать и успокаивать её я, зная, что с сумасшедшими надо разговаривать спокойно.

Но она не успокаивалась, а, наоборот, схватила утюг и закричала: «Давай, быстро, на колени!»

Мне стало не по себе. Я так и стояла столбом.

– Ну чего ты столбом стоишь? – разозлилась она. – Кто на свидание идёт: ты или я? Или мне одной это надо?

Она даже обиделась.

– Ты чего так разоралась? И утюгом размахалась?

– Давай, ставай на колени, я тебе волосы гладить буду!

А, вот в чем дело. Люська решила распрямить мои волосы, но дело в том, что специального утюжка для распрямления волос у нас просто не было. У Люськи и так от природы длинные светло-русые прямые волосы, а у меня – рыжие, вернее, «шатенистые», с естественными завитками. И у меня никогда не было стремления разглаживать мои любимые завитки, так как мне казалось, что без них я буду выглядеть «как лысая» и «больная». Ну, уж нет, я на всё согласна, кроме глажки волос.

– Ну и дурочка, – задумчиво произнесла Люська. – Сейчас в тренде прямые волосы. В Москве все так ходят.

– Ага, когда это ты в последний раз в Москве была? Да не надо, не подсчитывай, это я так, риторически. Я знаю, что сейчас все ходят с прямыми волосами, но уж в этом-то я могу быть эксклюзивом? Он же увидел меня с кудрями, и в кафе пригласил с кудрями. Он же не сказал, что «только при условии наличия прямых волос».

– Ладно, иди со своими завитушками. Посмотри, какая ты у меня красавица, – сдалась Люська. – Только не забывай: ни в коем случае не умничай и своих сложносочинённых химических терминов не произноси, а просто сиди и обольщай.

– Как обольщать?

– Ох, горюшко ты моё! Всему-то тебя учить надо! Делай томный взгляд и нижнюю губку выпячивай. Да не так сильно, а то слюна закапает и, вообще, за слабоумную сойдешь!

Я посмотрела в зеркало. Да, в нём отражалась высокая, стройная девушка с копной вьющихся медно-рыжих волос длиной немного ниже плеч. Конечно, пропорции моего тела на высоченных каблуках были далеки от тех, которые нарисованы на знаменитом рисунке Леонардо да Винчи. Длинные ноги были значительно больше туловища, вследствие чего пупок под маленьким черным платьем, полагаю, предательски уполз наверх из центра композиции. Небольшой макияж только усилил общее неизгладимое впечатление.

Я себе понравилась.

– Я готова, – в полном параде предстала я перед подругой для последнего критического осмотра.

– Очки забыла, – напомнила она.

– Нет, я без очков пойду, чтобы поклонника не разочаровывать. Он же меня без очков в первый раз увидел.

– Но ты же без очков плохо вдаль видишь.

– Ну и что! Я узнаю его из тысячи, по губам, по глазам, по голосу… – пропела я.

– Ага, если только по голосу, – проворчала Люся, ещё не зная, что её слова окажутся такими пророческими.

– Ключ не беру, будь дома, телефон украли, так что, я без сумки. Ну, всё, я пошла! – я радостно поцеловала Люську в щечку, и, надев вечернее выражение лица, отправилась навстречу приключениям.

Итак, я шла по аллее, среди столетних сосен. В голове, сбивая друг друга, проносились обрывки песен, которые исполняли идущие куда-то девицы: «Все люди, как люди, а я суперзвезда!» – круто, но под эту песню надо просто стоять с кошачьей грацией, томно держа в руках длинный мундштук сигареты. «А я иду такая вся, в Дольче Габбана…» – нет, это тоже не для меня, здесь надо пуститься в плясовую, как Верка Сердючка, а не шагать целеустремлённо вперёд, к своей мечте. Что для меня подходит в настоящий момент, так это известный припев: «Что задумано, то сделано! Что загадано, то немедленно! Решено! Всё! Давай дальше! Лишь одно, мне сейчас важно!», но кто-нибудь пробовал маршировать под рэп? Я попробовала, у меня не получилось.

И тут я вспомнила песню «Экспонат» группы «Ленинград». Вот это то, что надо! И широким шагом (насколько это позволяло узкое платье), под энергичный припев «На лабутенах, нах…» я весело зашагала по направлению к кафе «У сосны», правда, в голове уже навязчиво

крутился слоган из рекламы про «СберМегаМаркет», а место «лабутенов» заняли смартфон, утюг, кошачий корм, доставка и «восхитительный» кэшбэк. Да, реклама нам восхитительно промывает мозги!

Мой взгляд твёрд, походка упруга, настроение решительное, всё остальное тоже прилагается. Я шла и радовалась заходящему солнцу, высоким соснам, даже кустам, которые сплошной зелёной полосой стояли вдоль аллеи. Они шевелились вслед моим шагам, качая верхушками, как бы говоря: «Иди… Иди… Иди!»

Иди… Я вспомнила слова моей мамы, какой походкой должна обычно ходить девушка. Для этого надо представить, что солнышко зацепило тебя за подбородок, и тянет его вверх. Спина распрямляется, плечи развернуты, грудь тянется к солнцу вслед за подбородком. И ты идешь, вся такая…

Я посмотрела на солнце. Оно предательски пряталось за верхушками сосен и совершенно не стремилось тянуть вверх мой подборок, грудь и всё остальное тело, одетое в чёрный «прикид». Ну и ладно, я и так не сутулюсь, спина прямая, и иду прямо, как в отношении строго вертикального положения тела, так и в отношении направления – прямо к кафе «У сосны».

С озера подул холодный ветерок и остудил мои горящие щёки. В голову закралась подозрительная мысль: «Зачем мне это надо? На самом деле – сейчас же так опасно! COVID—19 свирепствует (к счастью, не на нашем острове), бандиты чего-то хотят от нас, а этого красавца я вижу всего в первый, нет, во второй раз в жизни, с учётом заварушки на пожаре, да и то непонятно, он это был или не он, или вообще, у меня «когнитивное заблуждение?»

Но я продолжала упорно двигаться вперёд, так как пытливый женский ум ногам покоя не даёт, а пятая точка активно ищет приключений, от чего страдает голова и пытается примирить доводы разума с безрассудством инстинкта.

Внезапно я ощутила, что эластичные силиконовые ленты моих черных кружевных чулочков предательски ослабили сцепление с кожей и пытаются, подчиняясь земному тяготению, дружно двинуться вниз.

«Странно… – задумалась я над техническим вопросом надёжности сцепления силиконовой полоски на чулках с моей кожей, – у меня что, шершавость ног недостаточная и им зацепиться не за что? Хотя, как раз наоборот, силикон хорошо и прочно держится на абсолютно гладкой поверхности».

В связи с тем, что главным экспертом гладкости моих ног была я сама, и ставила себе за это высший балл, я решила, что дело не в этом, а в сроке хранения чулочно-носочных изделий без надлежащей эксплуатации. А, впрочем, чего волноваться! Маленькое черное платье так плотно облегает мои ноги, а кружево в верхней части чулка так хорошо зацепляется за трикотаж, что, проползя, примерно, пять сантиметров вниз, чулки остановились, а я уверенно продолжила свой путь. Но, как оказалось, рано радовалась!

«Та-а-а-к… Уже что-то не так…» – подумала я, почувствовав, как такой хвалёный эластичный захват черного чулка на моей правой ноге вдруг резко расслабился, и, в отличии от напарника, совершенно не хочет держаться на моей ноге. Чего ему не хватает? Чулок предательски сползал все ближе и ближе к коленке и очень скоро произойдёт его радостная встреча с «лабутеном». Да, это меня не «улыбнуло»! Я стала делать странные движения, пытаясь через короткий подол моего платья подтянуть чулок вверх, вернув его на место. Полагаю, что со стороны это выглядело так, как будто, у меня сразу зачесались все те места, где ноги присоединяются к туловищу. В итоге, зацепив в кулак подол платья вместе с ненавистным мне правым чулком, я сделала ещё несколько шагов. Хорошо, что на аллее никого не было, никто не увидел такого позора, и только верхушки кустов неодобрительно кивали, глядя на меня. Чего я привязалась к этим кустам?

Ну, всё, терпение моё кончилось! Не могу же я прийти в кафе, к мужчине моей мечты, держа в кулаке подол платья, в котором судорожно сжимаю кружевной верх моего чулка? Всё,

решено, снимаю! И пусть Люська, «моя совесть», не узнает, что я пришла на свидание с голыми ногами, я скажу ей об этом потом, когда эти нюансы будут не так уж и важны. Но, главное, на таком волнительном свидании я буду спокойна, не буду дергаться и думать, что в самый решительный момент, когда он пригласит меня на танец, мои чулки окажутся лежащими в виде гармошки на моих «лабутенах».

Я огляделась. На моем пути стоял развесистый куст боярышника, а за ним был виден ствол старой сосны. Оглянувшись для спокойствия, я залезла в самую гущу зелёных побегов. Опёршись одной рукой на ствол сосны, я встала на левую ногу, сняла «лабутен» с правой ноги и начала стягивать чулок, который вдруг, именно сейчас, начал проявлять чудеса силиконовой стойкости.

Ветки куста предательски зашевелились. Ну, я к этому уже привыкла…

И вдруг противная мокрая тряпка плотно прилипла к моему лицу. «О, хлороформ! – сверкнула мысль. – Хорошо смочили!» Я была знакома с действием химических реактивов, в том числе и хлороформа, на организм человека, и знала, что эта жидкость очень токсична: в малой концентрация оказывает опьяняющее действие, а при высокой – может вызвать паралич дыхательного центра. А вот действует ли хлороформ так, как это показывают в фильмах? Теоретически – да, он может быть эффективным, но для этого жертве придется вдыхать его пары в течение минимум пяти минут, но, при этом, жертва потеряет сознание лишь на короткое время.

Рефлексивно дыхание остановилось, и я не успела сделать вдох паров опасного вещества. Хорошо, что сознание не покидало мою голову, а, наоборот, обострило инстинкты, направленные на выживание, и я резко встала на правую ногу, выскользнув из-под тряпки и руки нападающего. Интуитивно я успела сделать глубокий вдох чистого воздуха до того, как цепкая рука схватила меня за локти и отвели их назад, а перед лицом опять оказалась тряпка. Я понимала, что достаточно двух-трёх глубоких вдохов хлороформа и можно потерять сознание, поэтому всем телом стала извиваться и вырываться из цепких объятий, держащих мои локти и тряпку у лица. Правой босой ногой я била по каким-то костям, наверно, это были ноги нападавшего на меня человека, стоящего сзади. Жаль, что я уже сняла один «лабутен», бить каблуком было бы лучше! Извиваясь всем телом, я старалась отвернуть лицо от тряпки и вдыхать больше воздуха. Самое обидное, что я не видела человека, который напал на меня, так как он все время оставался сзади.

– Чего ты возишься?! – прошипел голос, который показался мне очень знакомым.

– Она вертится, как змея! Может, её пристукнуть немного, пусть успокоится? – возмущался другой голос, похожий на голос Хипстера.

«Ого, так их двое!» – испугалась я и поняла, что мои шансы на победу стремительно летят вниз, как предатели – чулки.

– Смотри, не переборщи! Она нам живая нужна, она всё знает!

– Да я пытаюсь, только она лягается! Вот попробуй сам, удержи!

Чьи-то другие, сильные руки схватили меня и стали пытаться, моим же черным чулком с эластичной кружевной резинкой, связать мои руки сзади. Но почему запах от дыхания мужчины в моё ухо был не слишком отвратительный, и почему он молчит и только тяжело дышит? Я продолжала дрыгать босой ногой взад и вперёд. Как хорошо, что платье само поднялось до места соединения ноги с туловищем, и совершать дрыгающие движения мне уже ничего не мешало! Но нападающий был хитёр! Он, как будто предчувствовал, в какую сторону метнётся моя нога и успешно от неё уворачивался. Тут мне в голову пришло простое решение. Я встала на босую правую ногу и левой ногой, обутой в «лабутен», стала наносить удары во все стороны.

– Сними ты с неё эту чертову туфлю! – крикнул мой партнёр по жёсткой сцепке знакомым голосом, только сейчас этот голос был резким, повелительным, без обволакивающего бархата.

«Это же он, моя мечта, майор спецслужб Васюков! Он что, рассмотрел подтеки лака на подошве „лабутенов“ и понял, что это не „лабутен“, а простая туфля?» – я не понимала, радоваться или нет от такого открытия. Но я поняла, почему меня не воротит от его дыхания, почему мне приятны прикосновения его сильных рук. Это же он, майор Васюков! Что он тут делает? Наверно, он меня спасает! Возможно, я была «подсадной уткой», чтобы преступники напали на меня, а он их задержал с поличным! И именно сейчас мне майор Васюков «добро причиняет», а я сопротивляюсь… Я перестала дрыгаться, и попыталась повернуть к нему лицо с радостной улыбкой, но мокрая тряпка, обильно пропитанная хлороформом, опять легла на мое лицо.

Из последних сил, высоко задрав левую ногу, обутую в туфлю на шпильке, я сильно лягнула ею, приблизительно в то место, где стоял второй нападавший, так неосмотрительно приблизившийся ко мне сзади на расстояние вытянутой ноги. Наверно, получилось красиво! И китайцы не подкачались! Маленькое черное платье растянулось, но не порвалось, что позволило мне совершить арабеск во всей его красоте!

«…!» – последовал непереводимый набор слов, означающий, в переводе на нормальный язык, примерно следующее: «Вот какая незадача! Я получил достаточно сильный ушиб от этой энергичной особы в район расположения моих половых органов. Я не могу сейчас предположить возможные последствия нашего с ней знакомства, но, полагаю, что ей и её маме придется близко познакомиться с моими друзьями…» Тон, которым всё это было произнесено, выразил всю степень его боли, отчаяния и негодования от такого безобразного движения моей ноги назад.

А, так это наш старый знакомый, Хипстер. Ну, что же ты, болезный, под ногу-то подставился… «Сам виноват, – успела подумать я, – теперь это точно не станет началом нашей большой любви и дружбы!» Наверно, налётчик подумал также. «При вдыхании паров хлороформа достаточно десяти секунд до полного отключения сознания», – подкинул «бодрящую» информацию мой мозг и, на сей раз, организм с ним согласился.

Сквозь затуманивающую сознание пелену одурманивающих паров я услышала последние слова.

– А на фига нам такая спешка? Кому эти зелёные так срочно понадобились? Подождали бы, пока мы новых вырастим, – это вопрошал голос Хипстера.

– А я не могу ждать! – нервно отвечал ему голос моего «любимого». – Ты же знаешь, что авиасообщение после COVID-19 возобновили, к нам заказчик из Германии прилетает. Проблемы будут большие, если ничего ему не отдадим, да ещё и подождать попросим. Причем, проблемы будут не только у меня! Там, знаешь, какие люди завязаны?! И вообще, хватить бренчать, как рояль в кустах! Всё брякаешь и брякаешь, только не в такт и не в тему.

Да, обидно разочаровываться в людях. Только что, час назад, я его боготворила и мечтала о встрече с ним, а сейчас, сквозь остатки сознания, я с горечью поняла, что зря сомневалась в Люськиных словах о том, что верить мужчинам нельзя…

«Зря красилась…» – мелькнула у меня последняя мысль, и тут я отключилась от действительности, а в голове как в кинопленке, стали проноситься картины воспоминаний…

Глава 2. Не так давно всё это было…

Воспоминания проносились с бешеной скоростью, изредка замедляясь на ключевых моментах жизни, но, почему-то, самыми крупными мазками, вспомнились школьные годы, которые у меня, в основном, были заполнены учёбой. Как в реальности, в моём мозгу, одурманенном хлороформом, появлялись образы прошлого, и, конечно, в мельчайших подробностях, вспомнилась разговоры с мамой.

Хуже, чем «мама переживает», может быть только ситуация «мама советует», а главным маминым советом был: «Сначала выучись, а потом замуж выходи». В школе мне, Дине Залесской, учиться плохо было никак нельзя в силу должностного положения моего папы, и постоянного маминого об этом напоминая: «Нельзя, чтобы у командира части дочка тройки получала!»

Ещё одним сильным мотиватором для учёбы было большое желание уехать из военного городка, где все про всех всё знают, где учителя в школе – жёны офицеров и соседки по дому, а единственное развлечение – Интернет и книги. Я училась не только без двоек, но и без троек, редко проскальзывали четвёрки, а чаще всего, гордые пузатые пятёрки косяками плыли по моему дневнику.

Хотя нет, за всё время учёбы в школе у меня была только одна двойка, да и то по физкультуре! Надо было выполнить переворот на брусьях, но моё тело не было подготовлено к такому жестокому с ним обращению, а мой мозг вторил телу, обосновывая опасность и бесполезность этого действия. Ну, где ещё в жизни мне придется делать переворот на брусьях? Зачем мне этот бесполезный навык? И, самое смешное, что до старших классов я была самой маленькой по росту, вследствие чего просто не могла подпрыгнуть и зацепиться за верхнюю перекладину. Тогда Володя Зорин, сын старшего прапорщика Александра Егоровича Зорина, самый высокий мальчик из нашего класса, поднял меня и я, зацепившись за перекладину, просто повисла сосиской, беспомощно дергая ногами. Весь класс смеялся, а физрук влепил мне двойку и велел к следующему уроку хорошо подготовиться, чтобы исправить двойку, а на Вовку я обиделась – ведь это из-за него надо мной смеялся весь класс!

«Хорошо подготовиться?! Это как? Я что, должна, как горная козочка, прыгать по полосе препятствий, чтобы надо мной смеялись не только одноклассники, но и все папины сослуживцы и даже солдаты новобранцы?» – с возмущением спрашивала я маму.

Не подготовившись ни морально, ни физически, я со страхом шла на следующий урок физкультуры. Не знаю, кто из родителей больше переживал и готовился к моей пересдаче, папа или мама, а может быть, это сама судьба так распорядилась, но перед тяжким испытанием Володя подошёл к этому инквизиторскому оборудованию – брусьям вместе со мной.

«Закрой глаза и ничего не бойся», – спокойно сказал он. Не знаю почему, но я послушалась и смирно встала под перекладиной с закрытыми глазами, но внезапно взлетела в сильных руках подростка, едва успев ухватиться за верхнюю перекладину, потом мои ноги перемахнули через неё, затем я стукнулась животом о нижнюю перекладину, но не больно, так как Вовка крепко держал меня, совершила соскок и встала по стойке «ноги вместе, руки на ширине плеч».

«Открывай глаза», – услышала я около уха тихий голос и увидела, как Вовка, стоя за моей спиной, удерживает мои дрожащие руки на ширине плеч.

Конечно, двойку мне физрук исправил на четвёрку, а в четверти получилась привычная пятёрка, так как я написала очень хороший реферат об истории Олимпийских игр.

С той поры у нас с Вовкой началась взаимовыгодная дружба, в которой он помогал мне в физическом совершенствовании, а я ему – в умственном, особенно, в точных науках, так как он очень хотел поступить в военное училище.

В классе я сидела за второй партой у окна, и, очень часто, оглянувшись, ловила на себе взгляд мальчика. Он сразу смущался, быстро отворачивался, а его уши смешно краснели. Так как наши фамилии были на одну и ту же букву «З», нас часто ставили в пару, если надо было выполнить какие-то задания вдвоем. Особенным шоком стало, когда наша классная руководительница, решив применить новые методы командообразования и сплочения коллектива, начала объединять пары для дежурства в классе не по партам, а по алфавиту. Волею судьбы я попала в одну пару с Вовкой Зориным, а не с Сашкой Жуковым, стоящим по алфавиту до меня, что ещё больше укрепило нашу с Вовкой дружбу. Конечно же, это он переворачивал стулья и ставил их на столы, а я только поливала цветочки и стирала мел с доски.

Однажды я не выдержала и, желая услышать от него приятный комплимент, прямо спросила: «Вовка, а почему ты на уроках на меня смотришь?»

– На тебя? Нет, я не на тебя смотрю, а на твой хвост!

Вот тебе и комплимент! Я не того ожидала… Но мальчишка рассмеялся и продолжил: «Да на волосы твои смотрю, которые ты в хвост на макушке собираешь! Знаешь, когда утром солнечные лучи на них падают, такое ощущение, что это золотые пружинки на солнце блестят…» При этом уши его опять предательски покраснели. Ого, да он романтик… А у меня в голове в первый раз зазвенели серебряные колокольчики: «А, может быть, она так и начинается, первая любовь, с золотого хвоста на макушке?»

Идиллию разрушил мальчишка словами: «И вообще, я теперь тебя так дразнить и буду: Динка-Золотинка!»

Мы взрослели…

Наверно, перфекционизм родился раньше меня, так как с самого детства я любила всё систематизировать и упорядочивать. Кукол выстраивала по росту, карандаши – по цвету, книги – по размеру, тематике и цвету обложки, поэтому, наверно, предпочтение отдавала точным наукам.

В русском языке, вроде бы, всё нормально, есть правила, но сколько исключений! Один этот «Цыган на цыпочках», притесняющий «цыплёнка» своим «Цыц!», чего стоит!

Вот в математике всё чётко! Есть правила, есть цифры, оперируешь цифрами и правилами – и всё, никаких проблем. А вот, если цифры писать буквами, опять непонятно: двадцать, тридцать, четырдцать… Да, да, не складно, язык сломаешь, а вот поэтому «Сорок»! Даже не четырдесят, хотя далее пятьдесят, шестьдесят… А сорок! Где логика? Конечно, объясняют нам, что это число появилось от количества соболиных шкур, необходимых для пошива шубы. А что, давайте тогда всё в количествах шкур изменять, та ещё условная единица… Или, лучше, в попугаях, как в известном мультфильме…

И в биологии есть исключения. Всё, вроде бы, понятно. Есть земноводные, которые мечут икру, есть пресмыкающиеся, которые откладывают яйца, есть млекопитающие, которые рождают детёнышей и вскармливают их молоком. А утконос и ехидна? Ребята, вы кто? Вы откуда? Тоже исключение – покрыты шерстью, откладывают яйца, вскармливают детёнышей молоком.

А вот с химией всё в порядке. Боготворю Дмитрия Менделеева, который создал периодическую систему. Вот это перфекционист шестидесятого уровня! Так упорядочить все химические элементы, даже пустые клетки не назвал «исключениями», а утверждал, что в них тоже должны быть химические элементы. И учёные всего мира в него верили, поэтому, получив что-то новое, не говорили, что это «ошибка опыта или исключение», а искали, куда бы приткнуть новый элемент в периодической таблице.

А органическая химия! Ну, это вообще просто песня, всё рифмуется! Например, органические спирты, подставляешь в конце окончание «—ол», и всё понятно: гексанол, пентанол, пропанол, этанол… Нет такого, чтобы сказали: «А вот здесь будет исключение. Мы назовём его не этанол, а самогон!». Нет, всё логично: этанол, метанол.

Химические реакции, это проклятие всех школьников, не желающих ничего ни к чему приравнивать! Всё ясно и понятно! Если одному молю положено соединиться с другим молем, то он это и сделает. Нет такого, чтобы какая-нибудь мышьяковистая кислота, посмотрев на дружную троицу калия, кислорода и водорода, под именем «Едкий калий», сказала бы калию: «Фу, противный! Ты дружишь с кислородом водородом, я с тобой соединяться не буду!» Нет, соединится, как миленькая, а школьники и студенты будут потом мучиться, расставляя коэффициенты в уравнении нейтрализации.

Наверно, поэтому, в старших классах я начала испытывать сильное тяготение к химии, как к наиболее логичной науке, и записалась на дополнительных занятиях по химии. Сначала со мной начали ходить несколько девочек, которые собирались поступать в медицинскую академию, но потом они переметнулись на биологию, а я осталась в гордом одиночестве, упорно продолжая совершенствовать свои химические знания. Конечно, результатом стали победы на Олимпиадах, выступления на конференциях, участие в конкурсах, что позволило мне с лёгкостью поступить в университет.

Дополнительные занятия по химии в школе проходили три раза в неделю, и, очень удачно, что у Вовки Зорина в эти же дни были тренировки по борьбе и стрельбе. В старших классах он вытянулся, стал на целую голову выше меня, превратившись в долговязого подростка с большими ушами, и активно совершенствовался, по его выражению, «в силовой и огневой подготовке».

Я торжественно вручала ему свой тяжёлый рюкзак с учебниками, а сама гордо несла пакет с белым накрахмаленным халатом и всю дорогу от школы до дома рассказывала о своих идеях, о прочитанных книгах, придумывая совсем другую историю. Особенно ему нравились мои пересказы детективов, которые всегда обрастали дополнительными персонажами, новыми подробностями и приключениями. Если же я спрашивала своего попутчика о его мнении о прочитанной книге, он отделывался короткой фразой: «Двое впали в кому, а одна – в экстаз, это детектива краткий пересказ!»

На пороге моей квартиры он торжественно вручал меня родителям, а моя заботливая мама тут же начинала хлопотать и приглашать его войти со словами: «Проходи, Володя, поужинай с нами!» Из кухни доносились ароматы вкусного ужина, но Вовка мужественно отказывался от него, хотя я знала, что он был такой же голодный, как и я. Представляю, каких трудов ему это стоило, потому что он жил только с отцом, который кормил его солдатской пищей: кашами, картошкой, тушенкой, для того, чтобы сын не избаловался и с детства приучал бы желудок к нормальной солдатской пище, а не к «пармезанам и фрикасе разным». А вот на предложение мамы: «Тогда хоть компотику выпей, пить, наверно, хочется после тренировки», почему-то соглашался. Тоже мне, любитель компота! Хотя, чего это я так, он же жил совсем в других условиях…

Он появился у нас в пятом классе, когда старший прапорщик Зорин Александр Егорович внезапно обзавелся ребёнком, не семьёй, не новой женой с детьми, а просто ребёнком, этим худым высоким мальчишкой с большими грустными карими глазами. То, что это был его родной сын, доказывало абсолютное внешнее сходство лучше всякой генетической экспертизы, а вот что произошло с матерью мальчика, мне тогда было неизвестно. Хотя, полагаю, что мой папа, да и мама, наверно, всё знали, но не считали нужным посвящать меня во взрослые тайны.

Иногда, по разным школьным делам, мне приходилось бывать у него дома. Вовка рос в спартанских условиях, в однокомнатной служебной квартире. В комнате стоял стол, две односпальные кровати с жёсткими матрацами, всегда тщательно заправленные тонкими одеялами, лежали тяжёлые гантели, висела боксерская груша, а в углу стоял двухстворчатый шкаф, в котором ровными рядами лежали футболки, свитера и другой нехитрый скарб. Никаких штор, ковров, занавесочек, вазочек, цветочков, картин и фотографий в рамочках нигде не наблюдалось.

На столе стояли учебники, лежали тетради, ноутбук и какие-то книги – самоучители по разным видам борьбы и физического развития. Удивляюсь, как при таком упоре на спорт над ним не возобладал принцип «Сила есть, ума не надо»? Учился он нормально, наверно, благодаря хорошей памяти и высокой ответственности, так как всегда выполнял все заданные уроки. Единственный пробел – он абсолютно не читал обязательные произведения классиков к урокам литературы, так как ему просто не хватало на это времени. Но вот здесь приходила на помощь я и предлагала ему краткий пересказ всех литературных произведении, от Толстого до Солженицына, причем, часто, в своей интерпретации, со своими комментариями, что, естественно, отражалось в сочинениях. Учительница литературы всегда удивлялась, почему, например, образ Катерины из «Грозы» Островского, и он, и я, в сочинении охарактеризовали не как «луч света в темном царстве», а как неврастеничку, которая сама спокойно жить не хочет и другим жить не дает. При этом учительница видела, что мы сидим в разных концах класса и списать или переговорить у нас возможности не было.

Нам было весело, мы были молоды, мы были счастливы, по крайней мере, я. Да, у меня ещё не начались собственные «терзания сердца», а о переживаниях Татьяны Лариной или Наташи Ростовой я очень виртуозно писала в сочинениях, за что стабильно получала пятёрки. Ну, конечно, им было, в кого влюбляться! Например, князь Андрей Болконский, молодой дворянин Евгений Онегин, блистательный офицер, граф Алексей Вронский! А в наше время кто кумиры? Разве Моргенштерн, Шарлот или Скриптонит могут вызвать какие-то романтические чувства у девушки? Хотя нет, наверно, у кого-то и могут, не зря у них такая армия поклонниц… Но я, как-то, без больших душевных переживаний смогла пройти этот подростковый период влюбленности во всё то, что движется в TikTok, а больше влюбляться было не в кого. Не в Вовку же!? Скажем прямо, Вовка красотой не блистал. У него было худощавое лицо с четко очерченными скулами и большие уши, краснеющие при разговоре со мной. Волосы густые, темно-коричневые, наверно, прямые, хотя точно сказать не могу, так как у него всегда была короткая стрижка, не позволяющая волосам показать себя во всей красе. Такими же темными были широкие брови, а под ними – карие, почти черные глаза в обрамлении густых ресниц. Самым примечательным был нос, который, казалось, был вырублен целиком из скалы, как у истуканов с острова Пасхи, и резко выдавался вперед, нарушая гармонию композиции. Но это ещё было не всё. Если по описанным выше чертам внешности мой друг точно копировал своего отца, Александра Егоровича, который, кстати, вызывал неподдельный интерес у одиноких женщин нашего городка тем, что, во-первых, был не женат, во-вторых, был очень привлекателен именно зрелой, мужественной красотой, то во внешности Вовки произошел какой-то генетический сбой. Вместо суровых, тонких, крепко сжатых мужественных губ отца, природа наделила юношу чувственными пухлыми губками! А, впрочем, чего я критикую… Ну, не капитан Грэй, но и я не Ассоль! Да, возможно, я и не его жду на корабле с алыми парусами! Он хороший друг, который никогда не предаст и всегда придёт на помощь, нам вместе весело и интересно, и, вообще, скоро мы закончим школу и разлетимся в разные стороны, к новым неизведанным берегам!

Мама была спокойна, так как я чётко следовала по разработанной ею стратегии: «Сначала учиться, а потом жениться!» и никаких юношеских романов не заводила. Я же, втайне от неё, мечтала о будущем поступлении в университет, где, наконец, я смогу избавиться от назойливого контроля за своими действиями.

В общем, в школе я сформировалась как высококачественный «ботан». Для завершения образа не хватало только очков, но и это не заставило себя долго ждать. В старших классах я стала замечать, что предметы, находящиеся вдали, не имеют четких очертаний. Конечно, проблема не зашла так далеко, что вместо зелёной папиной служебной машины я видела куст сирени. Нет, я по очертаниям ещё могла отличить человека от столба с дорожными знаками, но вот, в процессе различении самих знаков уже возникал вопрос. Меня стало удивлять,

почему на рекламных щитах не пишут внятный и понятный текст, а рисуют разноцветные линии, но очень радовало, что фонари на столбах переливаются и искрятся таким лучистым ореолом света. Я имела неосторожность озвучить маме особенности видения мною окружающего мира, и сразу же была направлена к окулисту, который выписал мне очки минус 2. Правда, он утешил маму, что это пока ещё не страшно, надо поменьше зрительных нагрузок, побольше прогулок на свежем воздухе и зрение восстановится, станет единица. Ага, это в одиннадцатом, выпускном классе, поменьше зрительных нагрузок?

– Наверно, зрение восстановится, когда у меня настанет старческая дальнозоркость со знаком плюс 2, – проворчала я.

– Возможно, и так. Будет единица, – услышал моё ворчание врач.

– Вы хотели сказать, ноль? – уточнила я.

– Нет, единица. Ноля не бывает, – разъяснил мне врач.

– Единица с каким знаком?

– Ни с каким. Просто единица.

«Как же так? Минус 2 на плюс 2 даёт просто единицу? А в математике это ноль. Не буду поступать в медицинскую академию, не хочу быть врачом. Здесь нет логики», – сделала я заключение после посещения врача.

Таким образом, школу заканчивала уже высокая, стройная девушка с вьющейся копной густых, рыжевато-коричневых, с золотым отливом, волос. Сколько боёв было проведено мной с моей мамой с целью получения разрешения на стрижку моего «символа невинности и девичьей чести» – моей косы. Согласие было достигнуто установлением «красной черты» – длина волос не короче, чем на 5—7 сантиметров ниже линии плеча, но, при этом, было получено разрешение не делать «хвост» на макушке. Я взрослела и с нетерпением ждала окончания школы.

Так как в то время об эпидемии COVID-19 ещё никто не слышал, выпускной бал проходил в областном центре, на площади, где выступали разные приглашённые артисты, а завершением праздника был красивый салют. Мама и тут не забыла проявить свою стратегическую инициативу, попросив Вовку приглядывать за мной. Вот это было обидно! Все мои одноклассницы танцевали, знакомились с городскими ребятами, обменивались номерами телефонов, причём, две из них даже умудрились, после этого замуж выскочить, а за моей спиной всё время торчал этот дылда с ушами и отпугивал моих потенциальных кавалеров.

Хорошо, что его идеей фикс было поступление в Новосибирск, в военный университет, так как его присутствия ещё в течение пяти лет рядом со мной, в студенческой среде, на химико-технологическом факультете, я бы не выдержала. Я же вполне взрослая, самостоятельная девушка, и сама могу обходить лужи, переходить дорогу и не спотыкаться о бордюры на тротуаре! И теперь я вооружена очками, прекрасно нивелирующими мою близорукость!

Конечно, в таком важном деле, как выбор будущей специальности для своей единственной, любимой дочери, первое слово взяла главный стратег и идеолог моей жизни – моя мама. А кто бы спорил?

– Надо поступать в педагогический институт или в институт культуры, на библиотекаря! В любом месте работу найдешь, даже в любом военном городке есть школа и библиотека, – безапелляционно заявила она.

– Дорогая мамочка! Выучиться-то я, конечно, выучусь, хоть на кого, но как же быть с продолжением твоего постулата «…потом замуж выходить!»?

– Потому что нечего о замужестве думать! Рано ещё!

– Да я-то и не думаю. Это ты всегда мечтаешь, что закончит папа службу, и вы купите по сертификату квартиру в каком-нибудь маленьком тихом городке, потом дачку с розами, а ты будешь сидеть в беседке и смотреть, как твои внучата плещутся в бассейне.

– А что, да, я так мечтаю, я же для своей дочери лучшего хочу, – начала выдавливать из себя слёзы мама. – А ты всё со своей химией носишься, от этих колбочек и пробирочек

с ума сходишь, всё какие-то новые вещества мечтаешь создать! И не думаешь, что вся эта химия – только один вред для здоровья, а в лаборатории тоже опасно, то взорвется что-нибудь, то загорится, да и просто, стеклами порезаться можно… И вообще, в военном городке лабораторий нет.

– Мама, а почему ты думаешь, что я буду жить в военном городке? Как, по твоему стратегическому плану, я в педагогическом институте или в институте культуры, молодого статного офицера найду? Туда же одни девочки поступают!

– Как, как… Твоя судьба всегда тебя найдёт, – важно заявила она и с нежностью перевела взгляд на отца. Он тут же расправил плечи, гордо поднял подбородок и его глаза тоже засияли умилением, которое он безуспешно пытался скрыть. Да, это любовь! Я бы тоже так хотела, и через девятнадцать лет брака, смотреть с любовью друг на друга и свято верить, что твоя вторая половина – самая лучшая в мире, потому что это именно твоя вторая половина.

Мама много раз рассказывала мне эту историю о том, как судьба в виде молодого красивого старшего лейтенанта в летной форме нашла её в далеком селе, куда мама попала по распределению после института. Да, мама закончила филологический факультет и обрела специальность «Учитель русского языка и литературы». В то время существовало такая ответственная процедура, как распределение, когда выпускников педагогических институтов направляли в школы, где не хватало учителей, а выпускников медицинских ВУЗов отправляли в больницы маленьких городков. Распределение было, примерно, как служба в Армии – «откосить можно, но сложно», поэтому выпускники рассуждали так: «Уж лучше три года промучиться где-то вдали от папы с мамой, но, за то, получить опыт работы и жильё, которое обязаны были предоставить молодому специалисту». Так вот, мама попала в сельскую школу, работала там учительницей русского языка и литературы, а, так как по вечерам и в воскресенье делать особо было нечего, она стала подрабатывать ещё и в библиотеке, среди своих любимых книг. В библиотеку приходили, в основном, пенсионеры да дачники, которые приезжали в деревню для отдыха на природе. А что им ещё делать, не грядки же пропалывать? Даже Пушкин писал: «В глуши, в деревне, всё вам скучно…» Вот и запасались они детективами для того, чтобы с пользой провести время отдыха, ведь тогда Интернета ещё не было, мобильных телефонов тоже, а по телевизору в селе показывал только первый канал.

Был ненастный ноябрьский воскресный день. Наверно, именно в этот день, над этим местом, циклон столкнулся с антициклоном, и они начали меряться силой ветра, кто из них сильнее. Вдобавок, с неба посыпались какие-то осадки в виде, то ли недозамерзших капель воды, то ли недорастаявших градин. Хотя время обеденное, за окном было так пасмурно, как бывает в осенний сумеречный вечер. В общем, русский язык хорошо определяет такую погоду определением «Когда хороший хозяин собаку на улицу не выгонит».

Сидит моя мама в библиотеке, и пока ещё не предполагает, что когда-то станет моей мамой, а сидит и пишет планы уроков. Да, да! Именно пишет! В то время планы уроков писали ручкой на бумаге, компьютеров-то не было!

Так вот, сидит, пишет, и вдруг на пороге появляется молодой, красивый старший лейтенант, в полевой форме, с «крылышками» на петлицах.

«Откуда здесь лётчик? Сбили?» – возник бы естественный вопрос у любого человека, но не у этой романтической девушки. «Вот, счастье твоё тебя всегда найдёт, даже в сельской библиотеке!» – подумала она и эту философскую мысль пронесла через всю свою жизнь, да так крепко вложила её в мою голову, что я сидела и ждала своё счастье, не оглядываясь по сторонам.

Ну, а у мамы эта встреча оказалась пророческой. Летчик был вовсе не «сбитым», а вполне себе нормальным молодым, холостым офицером, который служил в части в областном центре. И надо же так было так сложиться стратегическим планам высшего командования, именно здесь, в густом лесу, был организован полигон для поражения наземных целей. Вот молодого

лейтенанта с несколькими солдатами и направили на этот полигон для того, чтобы они подготовили мишени для проведения учебных стрельб. Всё бы ничего, но погода была ненастная, проведение учебных стрельб откладывалось на неопределенное время, вот и приехали военные в магазин за пополнением запасов продовольствия, а мой будущий папа решил захватить ещё и интеллектуальную пищу, для чего зашёл в сельскую библиотеку. Увидев красивую библиотекаршу, офицер сразу пошел в атаку с вопросом: «Девушка, а как Вы обычно время проводите?»

– Работаю.

– А ещё?

– В смысле «ещё»?

Уж не знаю, какой роман он взял, но реальный зарождающийся роман захватил его всерьёз. В общем, закончилось всё хорошо, папа книгу в библиотеку возвратил, а мою маму увез, и живут они мирно и ладно до сих пор.

– А я бы тебе советовала приглядеться к своему ближайшему окружению… – продолжала гнуть свою линию мама.

– Мама, ну ты же знаешь, что никакого окружения из лиц мужского пола у меня нет.

– А Володя Зорин?

– Ой, не смеши меня! Мы же в соседних домах живём, нам же просто по пути из школы, вот и ходим вместе после занятий. И вообще, у нас разные жизненные планы и разные дороги, так что ты на него планов не строй, —отвергала я все благоразумные попытки мамы наставить меня на путь истинный.

А по поводу Вовки – мои слова оказались пророческими. После поступления в ВУЗы мы разъехались в разные концы страны: я – на запад, в областной центр, где находился выбранный мною университет, и где я спокойно могла продолжить изучать химию, а он – на восток, в Сибирь, в Высшее военное командное училище, и последними напутственными словами моего друга детства были: «Эх, мой юный „Падаван“, тебе ещё учиться и учиться!»

Глава 3. Такая странная дружба…

Итак, моя любовь к химии сыграла свою роль, и я без проблем поступила в университет, на химико-технологический факультет по специальности «Фундаментальная и прикладная химия», с надеждой, что через пять лет я получу диплом специалиста с присвоением квалификации «Химик. Преподаватель химии». В-общем, одним выстрелом убила двух зайцев: буду изучать свою любимую науку и, если понадобиться, смогу преподавать в школе, чтобы реализовать мечты мамы. Конечно, мои планы были несколько иные – я мечтала синтезировать новое химическое вещество с каким-нибудь длинным названием. А что, это же так круто звучит! Например, метоксихлордиэтиламинометилбутиламиноакридин или гидразинокарбонилметилбромфенилдигидробенздиазепин! Это же просто же песня, вернее, баллада! Конечно, чтобы больные люди совсем не разочаровались в жизни, первое вещество назвали просто «Акрихин» (кстати, очень распространённое противовирусное средство от герпеса, которым заражены примерно 80% людей), а второе получило гордое имя «Гидазепам» и применяется оно как транквилизатор и антидепрессант для лечения тревожных состояний и панических атак.

Если бы я не стала химиком, то стала бы аптекарем. А что, там много одинаковых ящичков, всё по алфавиту, и разные многобуквенные названия…

Главный идеолог и стратег моей жизни, моя мама, которая усиленно внушала мне: «Сначала учиться, а потом жениться!», стала всё чаще применять другое изречение: «Главное, удачно выйти замуж». Проблема была лишь в том, что мама не уточняла значение слова «удачно». Для кого-то это было возможностью выйти замуж за парня из богатой семьи, для кого-то – за умирающего на яхте старика с крупным счетом в банке и виллой за границей, а кому-то достаточно IT-специалиста с перспективами в Силиконовой долине.

Самое интересное, что администрация нашего факультета была полностью солидарна с первым постулатом и делала всё для того, чтобы сохранить контингент обучающихся студенток до получения диплома. Мы занимались в отдельном здании химико-технологического факультета, общежитие у нас тоже было отдельное, со строгим пропускным режимом. Всё бы ничего, если бы не одно обстоятельство – 95% обучающихся на факультете на всех курсах были девушки. Поэтому, нам оставалось только спокойно грызть гранит науки и не думать о всякой ерунде, типа личной жизни, что я успешно и реализовала.

Иногда моя соседка по комнате в общежитии, Светка Баранчикова, пыталась зазвать меня в какую-нибудь компанию. Нет, не в Газпром, и даже не в Билайн, а в какую-нибудь сомнительную компанию без громкого названия, чтобы, по её выражению «отдохнуть, расслабиться, провести время». Во-первых, я не сильно-то и напрягалась, во-вторых, свободного времени у меня не было, так как всё время было занято на подготовку к занятиям, а в остальное время я с увлечением читала детективы, и тратить его на общение с незнакомыми людьми мне было жалко. Ну, и, наконец, самая веская причина моих отказов – это состояние, в котором утром находилась Светка после такого «отдыха». У неё болели все мышцы от диких ночных танцев, болела голова от громкой музыки, выворачивало все внутренности от выпитых горячительных напитков. Удивительно, но целую неделю она приходила в себя, а в субботу снова рвалась в бой!

Как меня выводит из себя омерзительный полукомплимент: «Почему такая красивая девушка и одна?» Во-первых, где вы видите связь между красотой и наличием мужчины? А, во-вторых, никак не могу понять – если я не в отношениях, значит во мне обязательно должен быть какой-то изъян?

Вообще, я по природе интроверт, люблю проводить время в одиночестве, мне так комфортно и даже радостно, так как слишком много общения в социуме. Я одна, потому что у меня

нет цели «не быть одной». У меня нет острой необходимости завести отношения лишь бы с кем, чтобы не быть одной.

Так уж вышло – я верю в любовь и чистые отношения. Сколько раз подруга читала мне лекции на тему «мужчины – полигамные существа» и убеждала в том, что надо хватать любого, пробегающего мимо самца, а уж потом разбираться, подходит он мне или нет. Но я, скорее, предпочту одиночество, чем ту ерунду в конфетной обертке, которую большинство женщин принимают за «высокие отношения». Я никогда не пойму женщин, испытывающих потребность не в конкретном мужчине, а в факте «наличия мужчины рядом», отчаянно стремящихся скорее выйти замуж, потому что «возраст подошел». Да какой возраст?! Может быть, я чего-то не понимаю в этой жизни, но, на мой взгляд, потребность в близости, в интиме, в замужестве, а тем более в детях – это то, что нормальная женщина может испытывать только с определённым человеком! А не потому, что у неё вдруг инстинкты проснулись или «время пришло», и она побежала искать самца, чтобы скорее выйти замуж, а потом неожиданно оказывается, что это не совсем то, о чем она мечтала, и дальше – слезы, сопли и разводы. Нет уж, спасибо, не надо! У меня иная цель, ведь я хочу любить и быть любимой! Хочу быть рядом с близким человеком не потому, что так надо – а потому, что именно он мне дорог. И чтобы ему нужна была бы в первую очередь я, а не то, что я могу ему предложить. И хочу довести свои отношения не до свадьбы, а до смерти, и быть верной девушкой и достойной женой. И я убеждена, что есть ещё кто-то, кто мыслит также. Не знаю, сколько раз мне предстоит обжечься прежде, чем я встречу свое счастье, но, даже если я его не встречу, то останусь честна перед собой, не растратив себя на ненужные отношения!

В общем, я придумывала разные уважительные причины отказа от участия в сомнительных увеселительных мероприятиях (зачёт, коллоквиум, конференция), но, когда семестр закончился и в моей зачётке, горделиво выпятив животы, стройным рядом красовались одни пятёрки, уважительных причин уж не осталось, и я вынуждена была привести главный довод: «А у меня парень есть, я его жду, он учится в Новосибирском военном университете, и показала фотографии Вовки Зорина с разных школьных мероприятий, где он удачно оказывался запечатленным рядом со мной. Она же не знала, что это была просто крепкая «пацанская» дружба, ну такая, когда при расставании хлопают ладонью по спине, а не нежно целуют в губки.

Она не особенно мне поверила, поэтому, для того, чтобы укрепить свою версию в глазах Светки, я попросил своего друга выслать мне фотографию в курсантской форме, посмотрев на которую и сомнительно хмыкнув, она отстала от меня, но только с ещё большим интересом стала прислушиваться к нашим телефонным разговорам.

Так удачно складывалось, что он периодически мне звонил и рассказывал о своих успехах в учёбе и строевой подготовке, а я рассказывала о студенческих буднях.

Вдруг я осознала, что за все годы общения я так и не узнала, чем же конкретно будет заниматься мой друг после завершения учёбы.

– Вот я выучусь и стану химиком, а ты? – спрашивала я его.

– А я выучусь и стану офицером.

– Но офицер – это же конкретное воинское звание. А чем ты будешь заниматься?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – смеялся Вовка и обидно щелкал меня по носу.

За время учебы в ВУЗах мы с Володей встречались очень редко, так как не совпадали графики каникул: то у меня практика, когда у него летний отпуск всего 30 дней, то у него сборы, когда у меня каникулы. Даже в редкие недели совпадений встретиться не удавалось, потому что именно в это время я отдыхала с родителями где-нибудь на море.

В общем, такая долгожданная встреча состоялась только перед пятым курсом, в конце августа. Я вернулась с отдыха на Черном море и была очень довольна своим загаром цвета кофе с молоком, который хорошо оттеняло простое белое платьице.

Радостный Вовка догнал меня, когда я шла в босоножках на высоких каблуках по аллее к дому и очень сильно хлопнул рукой по спине с возгласом: «Привет, друган! Золотинка, мы с тобой сто лет не виделись!»

Конечно, следуя сложившемуся между нами этикету, надо было в ответ тоже хлопнуть его по спине, но, оказалось, что от его ставшей почему-то очень тяжёлой руки, я, вместо радости от встречи, испытала бурю совсем других эмоций. Во-первых, спине было больно, во-вторых, я была на высоких каблуках и могла упасть (что, он этого не видит?), в-третьих, он стал каким-то другим, не тем ушастым друганом, а другим, стройным юношей. На нём были одеты только шорты, а на голом торсе рельефно выступали все мышцы, однако, похвастаться загаром, как я, он, к сожалению, не мог. У него загорело только лицо и руки ниже уровня окончания рукавов футболки. Я серьёзно смотрела на него, пытаясь проанализировать свою реакцию от встречи и выработать правильную тактику поведения.

Улыбка сошла с его лица.

– Ты чего, Динка-Золотинка, меня не узнаёшь? Это же я, твой друг Вовка!

Дар речи вернулся в моё горло, и я серьёзно произнесла: «Привет! Я тоже рада тебя видеть. Только не бей меня больше по спине, это больно!»

– Извини, я же не нарочно. Силы не рассчитал, – засмущался парень.

– В следующий раз рассчитывай. Ты же не со своими друзьями амбалами общаешься, а со мной! – и я гордо выпрямила спину, выпятила грудь и задрала подбородок! Не зря же я стала посещать студию бального танца, совмещая учебу в университете с конкурсными выступлениями, моя осанка сразу поражала благородством и статью, а поступь приобрела королевское достоинство. Володька даже отступил на шаг назад, чтобы лучше рассмотреть такую композицию. Его ответ оправдал мои ожидания

– Ну, Динка, ну и красавица же ты стала! Обалдеть! – к сожалению, он так и не научился говорить красивыми словами, но по восхищению в его глазах и по неподдельной эмоции на лице я поняла, что желаемый эффект был достигнут и впредь он уже никогда не будет стучать мне по спине при встрече. Я поняла, что он, разглядел во мне то, что я хотела – красивую стройную девушку двадцати лет.

– Ладно, не напрягайся! Рассказывай, как у тебя дела, – рассмеялась я, растопив льдинку непонимания между нами, и все оставшиеся две недели мы провели в увлекательном общении друг с другом. Удивительно, но я даже не попыталась дочитать интересный детектив, который начала читать на отдыхе, возможно, потому, что уже догадалась, кто убийца (естественно, дворецкий), а, может быть, потому, что прогулки на свежем воздухе со своим верным другом были более увлекательным занятием.

Мы опять, как в детстве, катались на велосипедах, играли в теннис, и, чтобы не терять приобретенных с таким трудом навыков и не забыть движения, я усиленно пыталась научить моего друга азам красивого вальсирования. Однажды мы до самого вечера занимались на площадке, причём, чувствовалось, что занятия ему очень нравятся, но элегантности и легкости движений достичь так и не удавалось.

– Что у тебя такие движения резкие? В вальсе всё плавно должно быть, вверх, вниз, вверх, вниз…

– Ты лучше одна танцуй, а я на тебя посмотрю, хабиби…

– Что ты сказал? Я не поняла.

– Это на арабском языке.

– Ого! Ты и арабский изучаешь?

– Приходится много чего учить. Мало ли, куда после выпуска попаду, а у нас уже специализация началась. Я со своими внешними данными к чистокровным арийцам никак не подхожу, а вот за араба сойду без проблем: волосы и бороду отращу, разговорный язык подучу, и всё, готов «свой среди чужих».

– Скажи ещё что-нибудь на арабском.

– Ана ухИббуки! – сказал он и внимательно посмотрел на меня своими темными глазами.

– И что это значит?

– Что пора идти домой, а то твои родители нас только до одиннадцати вечера отпустили. А личный состав должен явится в район постоянной дислокации в установленное время, бодрым, с высокой работоспособностью и в хорошем настроении. Настроение хорошее?

– Так точно, командир!

– Вот видишь, поставленная задача выполнена!

По дороге я опять рассказывала о своей дипломной работе, о том, как я усиленно пытаюсь синтезировать новый водоразбавляемый алкид на основе алифатических эфирокислот, на что мой друг сказал, что это он запомнить не сможет.

– Вот получишь диплом и покажешь, что ты там «насинтезировала».

– Странное дело, Вовка. Вот арабские слова в твоей голове укладываются, а научные термины стучатся в твой мозг абсолютно бесполезно, он отказывается принимать такие буквосочетания.

– Ну, арабский язык, это понятно, это для службы надо, а эти твои алкиды, амиды и прочие ДНК, или как там ты её называешь…

– Дезоксирибонуклеиновая кислота…

– Вот-вот, она! Она-то мне зачем? Зачем мне это запоминать? Я аббревиатуры больше люблю: АКМ, РПГ, БМП, РШГ…

– Я смотрю, ты слов на три буквы много знаешь…

Он не понял моей иронии и гордо заметил: «А я и не только на три буквы помню, я даже твой тритон Б запомнил!»

Я рассмеялась.

– Не тритон Б, а трилон Б, это динатриевая соль этилендиаминтетрауксусной кислоты, она образует очень устойчивые комплексные соединения с большинством катионов, что делает нерастворимые соли металлов растворимыми. Трилон Б извлекает ионы металла из нерастворимых солей и замещает их на ионы натрия, все соли которого растворимы в воде.

– А как по мне, так самый хороший раствор – это этиловый спирт, растворенный в воде, в сорокапроцентной концентрации.

Я опять засмеялась.

– Вовка, ты же спортсмен и такое не пьешь.

– Это я так, фигурально выражаясь, а пить я люблю компот, особенно тот, который твоя мама варит.

Мама со своим сказочным компотом ждала нас каждый вечер и радовалась, что наконец я дала разгрузку глазам и могу ходить без очков.

Папа радовался, что я много нахожусь на свежем воздухе, а не в химической лаборатории, и не дышу всякими вредными химикатами.

Я радовалась тому, что опять, как в школьные годы, обо мне заботятся и меня оберегают, причём, я стала замечать, что теперь Вовка проявляет повышенное рвение именно в этом вопросе. Увидев микроскопическую корягу на дорожке, сразу хватает меня за талию и отводит на безопасное расстояние, как будто коряга может, как змея, подпрыгнуть и наброситься на меня, а, почувствовав малейшее дуновение слабого ветерка, усиленно закрывает меня от него рукой, а то и всем телом.

Сначала не радовался нашим прогулкам только Вовкин отец, потому что сын перестал тренироваться со штангой и гантелями, но, когда он узнал, что теперь роль груза выполняю я в те минуты, когда его сын радостно переносит меня через поверхность с подозрительным рельефом, то он успокоился и тоже стал радоваться.

И Вовка радовался, причем радовался больше всех, но чему? Естественно, как человек, желающий найти ответы на все вопросы, я так, напрямую, и спросила у него: «Не пойму, чему ты всё время радуешься?»

К сожалению, внятного ответа от него я так и не добилась: «Да так! Да это же так здорово! Вот, мы вместе, я и ты! Это так классно! Нам вместе классно!» В общем, набор эмоций и никакого внятного анализа.

В таком состоянии юношеской эйфории незаметно пролетели две недели. У меня ещё оставалась одна неделя, а Володе надо было выехать рано утром, чтобы успеть на поезд до Москвы, а потом на самолёт до Новосибирска.

В последний вечер он всё пытался шутить, а я смеяться, но смех был какой-то вынужденный, не натуральный, потому что, честно говоря, хотелось просто плакать, но природа сделала это за нас. Всё небо было занесено серыми тучами, шёл бесконечный дождь, лужи заполнили все тротуары, не оставив сухого места. Мы стояли под козырьком крыльца и не знали, что надо сказать на прощание.

«Ну, пока, звони», – первой нарушила я затянувшееся молчание, взгрустнув, что из-за плохой погоды вечерней прогулки не будет, и я даже спокойно смогу вернуться к перипетиям полузабытого детектива.

«Давай, пока», – так просто сказал он и ушёл в струи дождя.

«Как это пока? – обескуражено и возмущённо думала я вечером. – Где эти эмоциональные наречия и междометия? Где томные вздохи и прощальный поцелуй? А, впрочем, не зря же говорят, что долгие проводы – лишние слёзы! Вот уж чего-чего, а слёз совсем не надо, лучше детектив дочитаю. А Вовка… Вот он весь такой, простой и понятный, как дисциплинарный устав… И никакой романтики… А я-то, дурочка, размечталась, какие-то романтические отношения нафантазировала…»

На самом интересном моменте развязки интриги детектива, когда оказалось, что убийца, все-таки, не дворецкий, а парализованная глухая старуха, жившая в этом доме в качестве приживалки, впрочем, это уже не важно… Так вот, на самом интересном месте раздался телефонный звонок от Вовки.

«Что ему не спится? Завтра же вставать рано…» – подумала я сердито и ответила на вызов.

– Динка, дождь идет, – зачем-то сообщил он мне информацию о погоде, которую я и так знала. Ну, удивил!

– Идёт, я знаю…

– Дина, а ты выйти можешь? – с какой-то странной хрипотцой в голосе поинтересовался он.

– Зачем? Там мокро.

– Просто, попрощаться…

– Так мы уже, вроде, попрощались…

– Нет, по-настоящему…

– Ого! Это как? Устроим танцы под дождём? Я, конечно, девушка романтичная, но не до такой же степени! Да и тебе начинать учебный год с насморком и высокой температурой не совсем хорошо. Ещё подумают, что у тебя новомодная инфекция и вообще на карантин закроют.

– Нет, не волнуйся, всё будет нормально. Я всё продумал. Ты только из подъезда выйди.

Наверно, именно эта фраза так подкупила меня, как она действует и на всех женщин: «Я уже всё продумал!» Как хочется слышать, что кто-то другой, более сильный, опытный и ответственный, продумывает за тебя всю стратегию и тактику, анализирует возможные риски, и, вообще, берёт всю ответственность на себя! От такого приятного сюрприза, я, конечно, отказаться не могла и через несколько минут открывала железную дверь подъезда.

Мой «человек дождя» стоял на крыльце в дождевике. Второй дождевик, который держал в руках, он тут же накинул на меня и, быстро подняв на руки, понёс куда-то в тёмную мокрую даль. Я ощутила себя «Кавказской пленницей», которую Шурик украл и нёс в неизвестном направлении в спальном мешке.

– Сумасшедший! Куда ты меня несешь? – засмеялась я.

– Подожди, здесь недалеко. Сейчас увидишь.

Мы двигались между какими-то хозяйственными строениями воинской части, сначала по мокрому асфальту, а там, где асфальт закончился, по засыпанной щебёнкой дорожке.

– Вот и приехали! – радостно сообщил мой «носильник и потаскун» (это, если что, от слов «носить» и «таскать»), поставил меня на бетонную плиту под козырек, а сам начал открывать замок.

– Проходи, не стесняйся, будь как дома, – раздался его радостный голос откуда-то из темноты.

Было немного страшно, но интересно. Не возвращаться же мне назад, и вообще, лучше просто темнота, чем темнота, дождь и незнакомая дорога, посыпанная щебнем. На мне же новые босоножки!

– Не бойся, я сейчас свет включу!

Я увидела светящийся экран телефона и силуэт Вовки, зажигающего свечу. Свечу! Вот это да! Не думала, что он способен на такие романтические порывы! Так «заморочиться», свечи купить, нести меня на руках в непроглядную темень! Сразу вспомнились строки лирической песни Владимира Высоцкого: «Соглашайся, хотя бы, на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял…»

Однако, парень тут же разрушил нарисованный в моём воображении образ романтического поклонника одной фразой: «Здесь света нет, а свечку на всякий случай оставили. Проходи, здесь сухо и чисто. Не бойся, раньше здесь склад какой-то хозяйственный был, потом всё вывезли, вот пристройка пустая и стоит. Я ключи у отца взял на время, утром верну».

Фу, никакой романтики. Бетонный пол, обшарпанный письменный стол с рваным дерматином, две табуретки, даже окошка нет – как-то скудновато у него с фантазией. Где лепестки роз, где хрустальные бокалы с шампанским, где ненавязчивая музыка в стиле эротического саксофона? Хотя, нет, «пронос» меня под дождем на руках в течение примерно пятнадцати минут – это впечатлило! Хотя, чего я восхищаюсь? У него штанга значительно тяжелее моих пятидесяти килограммов.

Я подошла к столу и хотела сесть на табурет для дальнейшего официального разговора, но, внезапно, он обнял меня и стал пытаться поцеловать в губы. Ого, вот это уже такое нахальство! С его мокрой головы на моё лицо тут же потекли струи воды.

– Ты чего, обалдел? Ты чего целоваться лезешь? – возмутилась я. Нет, конечно, я не против первого поцелуя, но хотела бы, чтобы это произошло в более романтичной обстановке.

– А что не так-то? – удивлённо спросил он. – А, понятно, голова мокрая! Я сейчас!

Он стянул футболку и вытер моё лицо, а затем свою голову, после чего опять потянулся ко мне. Я отстранилась. Романтический флёр куда-то пропал, и я другими глазами посмотрела на себя, в белом летнем сарафанчике, на мокрого Вовку с голым торсом, на обшарпанные стены комнатёнки, на полуразвалившуюся мебель…

– Ты чего, Золотинка? Я же, всего-навсего, попрощаться хотел. По настоящему, с поцелуями… Прощальными… Что опять-то не так?

– Как-то это не правильно… Мы ведь, вроде, друзья… Да, ты мой самый дружеский друган, дружище… Да, друг, а не воздыхатель, не кавалер, не любовник, и даже не «сасный краш», как теперь подростки говорят. И я не твоя любовница или любимая, а твой друг. А друзья друг с другом в губы не целуются!

Вовка удивленно смотрел на меня, обескураженный такой логикой. Наконец у него созрел вопрос: «А в чём разница?»

– Как это «в чём»? Ты разве не понимаешь? С любовником я бы вела себя по-другому: жеманничала, говорила бы загадочными фразами, постоянно красила бы глаза и губы, наряжалась бы в самую красивую, сексуальную одежду и страдала бы…

– От чего страдала-то? Одежда сексуальная неудобная, что ли? Ведь ты же с любовником была бы…

– Ну, например, он бы не позвонил, как договаривались, или не пришел бы вовремя… Вот я и страдала бы, придумывала уважительные причины, почему не звонит или не приходит, страдала бы, что он разлюбил меня…

– А зачем страдать то? Позвони и спроси! И вообще, навыдумывала ерунду всякую! Ведь мне-то ты спокойно звонишь и спрашиваешь…

– Вот в том-то и разница! Ты мне друг и я тебе могу позвонить в любое время и спросить без церемоний, например: «Где ты запропастился?», «Когда появишься?» А с любовником так нельзя, девушка не должна звонить первой, не должна навязываться и вообще, показывать свой интерес…

– Тьфу, бред какой-то! Не думал, что у тебя в голове такая плесень водится! Прямо, девятнадцатый век! Это ты у Толстого или у Пушкина таких правил приличного поведения нахваталась? Правильно, что я всё содержание романов в кратком конспективном изложении узнавал.

– А вот и зря! Художественная литература нас плохому не научит! А ты ни одного произведения нормально не прочитал, вот и не знаешь, как надо с девушками правильно обращаться!

Я злилась потому, что никак не могла втемяшить в голову этого «солдафона», что такое «высокие отношения» и как, вообще, надо добиваться любви и расположения девушки. Он же улыбался во весь рот и не понимал важности момента.

– Знаешь, я не читал и не очень об этом сожалению. А в отношениях с девушками придерживаюсь главного принципа – быть честным и порядочным. Ну, а остальное: любовь, заботу, материальное обеспечение и всё, что для счастливой семьи надо, я думаю, смогу дать только своей жене.

– Ну и давай своей жене! Чего ты тогда ко мне целоваться лезешь?

Он перестал улыбаться, запустил пальцы в гриву моих кудрявых рыжих волос и зафиксировал мою голову так, что мне невольно, пришлось смотреть прямо ему в глаза.

– А потому, что я к тебе отношусь не только как к другу… Я… Я… —замялся и засмущался парень. – А вот скажи, как по твоей теории должен вести себя любящий мужчина?

– Ну, заботиться о любимой девушке…

– Так!

– Носить на её руках…

– Принято!

– Дарить цветы…

– Ты же сама сказала, что не любишь срезанные цветы!

– Согласна, минусую. Ещё – постоянно ей звонить.

– Сама же мне не велела звонить постоянно, чтобы не сбивать тебя с твоих сумасбродных идей! Вот и звоню, как тобой же установлено, только в субботу вечером!

– Хорошо, принимается. И, наконец, говорить о любви!

– А что говорить?

– Ну, описывать, что чувствуешь, говорить, что жить без любимой не можешь…

– С чего это я не могу? Живу ведь…

– Да это так, в фигуральном смысле. Что других девушек не существует…

– Дурь какая-то. Все нормально существуют. Атомная война ещё не началась, и надеюсь, не начнётся…

Ну, о чём с ним разговаривать? Он слишком конкретный и прямой, как линия, соединяющая только две точки. Я отвернулась и, за неимением окна, грустно смотрела в угол.

– Да, ладно, всё понятно. Считай, что это так…

– Что так?

– Ну, всё это… Так, как ты говорила… Что жить, там, не могу, что других не существует, и прочее…

– Вот, я тут распиналась, а ты даже не запомнил! – укорила я.

– А зачем мне это запоминать? Я вот, текст присяги наизусть помню, уставы помню, слова арабские стараюсь запомнить, да ещё много чего запоминаю, о чем тебе знать не положено, ведь там, где я потом буду, Интернета нет и «Алису» я запросить не смогу. Даже «морзянку» на слух воспринимаю!

– А это тебе зачем, в наш век Интернета?

– В боевых условиях не всегда есть возможность передать информацию через настоящую антенну, приходится использовать всё, что есть под рукой, например, кусок проволоки, да ещё, вдобавок, противник может глушить сигнал, поэтому в точке приема сигнал будет настолько слабым, что его сложно разобрать, он потонет на фоне шумов. А может такое произойти, что информация очень важная и передать её есть только один шанс. В телеграфном режиме передатчик просто включается и выключается, на приемнике работает так называемый телеграфный гетеродин, который пищит при наличии сигнала. Обычно передатчик настроен на частоту 1 кГц, как слышимую лучше всего, поэтому, даже при сильных помехах и слабом сигнале, принимающий оператор отчетливо слышит этот писк и способен принять сообщение.

Я с уважением посмотрела на Володю. Это я «кичусь» своей образованностью и «пыжусь», пытаясь придать значимость своим успехам на исследовательской ниве, а он просто и скромно делает то, что, в последующем, может быть очень важным для его, такого непонятного мне, сложного мужского дела…

– Подожди, в каких боевых условиях? У нас же сейчас войны нет?

– У нас нет, а в других местах есть. И мне придётся ехать туда и делать то, что местные жители не могут, потому что местные не знают того, что знаю я. Так что, как говорил Шерлок Холмс: «Зачем мне забивать голову не нужной информацией?»

– А если для того, чтобы моё сердце завоевать?

– Я что, древний рыцарь? Ведь всё и так ясно. Мы с тобой общаемся с самого детства, ну, не самого, с десяти лет. Ты меня прекрасно знаешь, все мои достоинства и недостатки, а я прекрасно знаю тебя. И ты мне нравишься любая, и такая, в нарядном белом платье, и другая, с не накрашенными глазами и губами, в вытянутой футболке, в шортах или кроссовках – это всё неважно, что на тебе надето, главное, что ты есть. Зачем придавать большое значение условностям? Нам с тобой хорошо вместе, у нас нет недопонимания и конфликтов, и, главное, нам хочется быть вместе. Ну, я и подумал, зачем надо что-то выдумывать, создавать проблемы? Нам и дальше надо быть вместе. Создадим счастливую семью, как ты мечтала в детстве, родишь мне троих детей. Я буду спокойно служить, а ты будешь ждать меня из командировок, варить компот и рассказывать детям, какой у них папа – самый смелый командир.

– Фу, Вовка, какой же ты не романтичный! Какой компот! Понимаешь, я любви хочу, чувств, а у тебя всё так рационально, так просчитано, продумано, и всё тобой одним решено! А меня ты спросил? Может быть, я химией хочу заниматься, я уже почти новое вещество синтезировала и меня на кафедре работать оставляют. Я в аспирантуру поступлю, буду дальше исследования в этой области проводить, потом кандидатскую диссертацию защищу, преподавать буду! Володя, у нас ещё целый год впереди, всё может измениться. Вдруг ты там, в Сибири, встретишь какую-нибудь хорошую девушку и влюбишься в неё, захочешь жениться, чтобы она

тебе компот варила. Ну что же, я только рада буду за тебя. Или со мной произойдёт нечто подобное, только в отношении другого мужчины. Например, познакомлюсь с молодым аспирантом, и мы вместе будем работать на стыке наук. Вовка, мы друзья и я хочу, чтобы друзьями мы остались на всю жизнь!

Вовка задумчиво смотрел на меня.

– Значит, вот как… Только друзья… А я размечтался, – грустно произнес он. – Но, хоть, обнять-то, тебя, друг, на прощание можно? Мне уже скоро бежать надо. Друзья ведь обнимаются?

Доводов против у меня не нашлось. Да, друзья обнимаются… Он обнял меня, пожалуй, даже более сильно и ласково, чем это должно быть между друзьями, а затем начал осыпать лицо, шею, плечи и руки нежными поцелуями, тщательно обходя носогубную область. Странно, но это мне очень нравилось, в организме появились новые, не изведанные ранее ощущения и я даже начала жалеть, что сама строго ограничила ему зону дозволенности. В девятнадцатом веке, наверно, такое состояние было бы названо «томиться сладкой негой», а как это звучит теперь? Балдеть, тащиться, быть в экстазе… Нет, всё-таки «сладкая нега» звучит лучше! Фу, какая-то чушь лезет в голову…

Из состояния релакса меня вывел властный голос: «Владимир, ты здесь?», а в дверном проёме показался силуэт отца Вовки – Александра Егоровича.

– Ты почему ещё здесь, паршивец! Машина ждёт уже, я тебя по всему городку ищу! Здравствуй, Дина! – всё также сердито сказал он, но уже мне.

– Папа, извини, здесь окна нет, я и не заметил, что уже утро!

– Это плохо, сын. Офицер никогда не должен терять чувство времени, даже во сне или в эйфории рядом с любимой девушкой. Не всегда рядом с тобой будут часы или будильник на телефоне. Вспомни, как Штирлиц, дал себе установку проснуться ровно через пять минут – и через пять минут проснулся.

– Пап, но я же ещё пока не Штирлиц! Пап, я побегу, а ты Дину проводишь?

– Не волнуйся за свой изумруд в золотой оправе. Конечно, провожу. Беги!

Парень рванулся к двери, но на пороге оглянулся.

– Не грусти, Золотинка! И помни то, что я тебе сказал! – этими словами он выскочил в дверь и скрылся в предрассветной мгле.

Оказалось, что свеча уже давно догорела и я наощупь вышла из каморки. На улице меня ждал Вовкин отец, бурча под нос что-то вроде: «Вот, молодежь, никакой ответственности… Сказано, прибыть, значит надо прибыть. А у него любовь, понимаешь ли…»

– Извините, Александр Егорович, это, наверно, я виновата, заболтала его ерундой всякой…

– Нет, Дина, ты не виновата. Он мужчина и должен отвечать за всё сам! Пойдем, я тебя провожу…

Мы медленно шли по дорожке и Александр Егорович вдруг начал говорить со мной о том, о чём, может быть, никогда и никому не говорил.

– Ты, Дина, не обижайся на меня, что я так Владимира прогнал. Просто, на самом деле, уже утро, а его нет, вот я беспокоиться и начал.

– Да он уже собирался идти. Он понимает, что на поезд опоздать нельзя, потому что и на самолет успеть надо… Иначе проблемы будут…

– Дина, я ведь тоже, в его годы такой был, времени не замечал, с любимой девушкой дни и ночи проводил, целовался, миловался, никак расстаться не мог. Я ведь тогда тоже курсантом был, на последнем курсе в военном училище учился. К началу занятий опоздал, выговор получил, но учился хорошо, поэтому только выговором отделался… А через три месяца моя девушка сообщает мне, что она оказалась беременна после нашего бурного прощания,

а рожать, будучи матерью-одиночкой в то время было стыдно, да и куда ей это, она в хореографическом училище училась, балериной хотела стать…

Ого! Я по-новому посмотрела на Александра Егоровича. Он мне всегда представлялся настолько матерым мужиком, никогда не имевшим дело с женским полом, а здесь, оказывается, балерина! Конечно, я понимала, что где-то, когда-то, наверно, была в его жизни женщина, иначе, откуда же появился Вовка? Не почкованием же размножился? Но он и балерина?! А мужчина продолжал: «В общем, сообщила мне моя балерина, что рожать не будет, так как решила сделать аборт. Телефоны мобильные тогда только начали появляться, связаться было сложно, при любой возможности я звонил ей и отговаривал это сделать, но всё было бесполезно. Единственный выход – ехать к ней и быть рядом. Просил срочный отпуск по семейным обстоятельствам – не дали, руководство решило, что обстоятельства не очень важные, да и справок она мне никаких присылать не хотела, уверяя, что ею уже всё решено. Вот и рванул я из училища к своей любимой, чтобы успеть жениться до того, пока она не совершила страшное. В общем, жениться успел, а из училища меня отчислили за повторное дисциплинарное нарушение. В положенное время на свет этот карапуз появился, который сейчас тебе спать спокойно не дает, а я контракт подписал, и, сначала прапорщиком, а потом старшим прапорщиком служить начал. А тут конфликты разные стали происходить и у нас в стране, и в бывших республиках, меня в командировки часто посылали. Моя жена после рождения сына быстро в форму пришла и устроилась работать в цирк, в кордебалет. Естественно, это не то, о чем она мечтала, и моя красавица с сожалением понимала, что ей уже не стать прима-балериной, и «Танец маленьких лебедей» или «Жизель» станцевать уже не получится. Конечно, ей тяжело было, я – то в командировках, то – в Пскове на базе, а она – одна. Через годик жена сынишку своей матери на воспитание отдала, та тоже была «из богемы», это только я, в их понятии, «солдафон» да «голенище». В общем, возвращаюсь из очередной командировки, а она уже не одна, а с каким-то, то ли иллюзионистом, то ли жонглёром живет, и я там уже лишний. Развелись. К сыну приезжал, виделся, только воспитывала его бабушка в своем духе, не как солдата, а как «балеруна» какого-то. Отдала в детскую хореографическую студию и пацан прыгал там в обтягивающем трико, да ноги высоко задирал. Позорище! Сердце кровью обливалось! Я просил отдать мне ребенка, ведь всё-равно он не с мамой живет, а с бабушкой, да ничего не получилось, по документам – у них полная семья, а я – один. Не положено!

Так и пришлось бы мне страдать, глядя на этого «танцовщика в колготках», но тут удача подвернулась. Вернее, сразу две удачи. Новый супруг моей балерины какой-то цирковой конкурс выиграл, и его пригласили работать за границей, в самом шоу Цирка Дю Солей.Естественно,супруга поехала с ним, а бабушка решила на старости лет новую жизнь начать, с каким-то французом по переписке познакомилась и тоже решила свалить за границу, во Францию. Да, на здоровье, пусть едут, у нас воздух чище будет! Вот только мальчик им мешал, поэтому, к обоюдному согласию, ребенок был передан мне на воспитание. Я попросил перевода на спокойное место, без командировок, вот так и попал в эту часть, а Володя в десять лет появился в вашем классе, вот с тех пор ты с ним и знакома».

Да, мне открылось многое, ранее неизвестное. Вот почему отец так строго воспитывал его – надо было наверстать упущенное и выдавить из мальчика все балетное! Теперь стало понятно, откуда у Вовки такая хорошая растяжка и чувство ритма! За разговорами мы подошли к дому, где, рядом с машиной с включенным двигателем, нас уже ждал Владимир, одетый в курсантскую форму, с сумкой через плечо. Пожалуй, из него получился бы очень красивый артист балет, такой новый Александр Годунов! А что, он и внешне немного похож на него, только Годунов был блондин, а у Володи темные волосы и карие глаза, как у отца. А вот довольно-таки пухлые, красиво очерченные губы, наверно, от матери – балерины. Да, но, если бы он был артистом балета, мы никогда бы не познакомились, уж очень разные у нас были бы миры, так что, все, что ни делается, всё к лучшему!

Парень обнял отца, потом подошёл ко мне, крепко обнял и, поцеловав куда-то в район уха, прошептал: «Все, Динка-Золотинка! Я полетел! Помни, что мы будем вместе, и я буду твоим первым и единственным мужчиной! И чтобы никаких там научных работников… Ты для меня всё! А ты не плачь, всё будет хорошо!»

Машина сорвалась с места, а я, в рассветном тумане, осталась осмысливать ситуацию: «Что за дружба у нас такая странная? О друзьях так не мечтают перед сном, звонок друга так не ждёшь с замиранием сердца, и не краснеешь от случайного касания руки друга. Но мы зачем-то это придумали… Придумали какую-то дружбу между мужчиной и женщиной, и свято верим в то, что придумали, соблюдаем какие-то условности, хотя сами, тайком, не желая даже себе в этом признаться, умираем от любви…»

Глава 4. Золотинка и Заря

Весь последний учебный год проходил суетно. Я готовилась к защите диплома, Вовка проходил стажировку и учебную практику, поэтому звонил редко.

После празднования Нового года, когда все мои мысли были заняты синтезом нового химического вещества в соответствии с темой моей исследовательской, а в будущем, дипломной работы, Светка вдруг ехидно поинтересовалась: «А чего это ты с родителями Новый год встречала? Как же твой жених?»

«А, и правда, почему он не приехал, ведь ему зимний отпуск положен, правда, дней десять всего… Странно…» – тень сомнения закралась в мою голову, а Светка не успокаивалась, задавая новые, коварные вопросы.

– А он тебя ещё замуж не позвал?

– С чего бы это? Да, мы с ним общаемся, он мой лучший друг, но ни о каком замужестве и ни о какой любви не речи не идёт.

– Да не заливай мне тут, «ни о какой любви»… Я же слышу, как ты с ним воркуешь по телефону, и вижу, как ты переживать начинаешь, если звонка долго нет. Да и ему, с какой стати, надо названивать тебе регулярно? Думаешь, ему так интересно, что у нас на лабораторных работах произошло? Нет, поверь моему опыту – это любовь. И, вот, помяни моё слово, – сказала пророчица, – к концу пятого курса он тебе предложение сделает. Они все, курсанты, на пятом курсе жениться норовят, чтобы не одному в леса ехать, на ракете сидеть…

– Какие-то у тебя странные представления о военной службе.

– А чего, опыт был… Не у меня, у моей мамы, а я так на свет появилась. Молодые лейтенанты женятся на первой встречной, лишь бы не одному в дальний гарнизон ехать, а потом, лет в тридцать, «любовь всей своей жизни» встречают, или приходит осознание, что ещё не нагулялись и начинают навёрстывать упущенное. А уже и дети появились, и квартира служебная, а жена без работы сидит, не развестись… И начинается, как в старинной русской поговорке «Сто раз об дверь, один раз об рельс».

– Ну, мой друг пока ни жениться, ни на ракете сидеть не собирается!

– Вот и жди! Он тебе скоро предложение сделает, а уж, если, тебе не сделает, значит, кому-то уже сделал!

– Ха, ну и наплевать, радость, тоже мне, ехать с ним в Арктику или на Чукотку. Меня на кафедре работать оставляют, в аспирантуру буду поступать, так что, чего мне волноваться…

Конечно, я волновалась. Я уверяла себя, что Вовка просто мой друг детства, одноклассник, и, наверно, я буду самая подходящая кандидатура на роль свидетеля на его свадьбе, но в глубине души так надеялась, что заветное колечко он наденет на мой пальчик. Да, я волновалась, потому что каждую ночь я вспоминала наш последний вечер, вернее, ночь, дождливую, но такую счастливую ночь, его несвязные слова, его неумелые поцелуи. А может быть, и правда, он встретил и полюбил другую девушку, хотя, нет, он ни разу не сказал мне, что ему нравится какая-то девушка и что он с кем-то встречается. Я, конечно, была бы рада за Вовку, за то, что он будет счастлив с любимой, но почему же не со мной? Да и потом, это Светкино «Сто раз об дверь, один раз об рельс». Вот, если он сейчас женится на какой-нибудь девчонке, надеюсь, хорошей, а потом начнутся сцены ревности, развод, дети без отца, я буду винить себя, что своей подписью свидетеля подтвердила потенциальную нерушимость этого брака. Нет, я в такие игры играть не хочу, откажусь сразу, пусть уж как-то без меня женится…

Светка оказалась права. Ближе к выпуску позвонил Вовка и начал несвязно мямлить: «Динка-Золотинка, это, нам бы надо встретиться. Сейчас ты закончишь университет, я закончу учиться, а нам очень надо встретиться, поговорить… Я хочу тебя позвать… Нет, пригласить… То есть, предложить…»

– Фу, Вовка, ты заканчиваешь крутой военный университет, а так и не научился нормально говорить!

– А нас здесь не говорить учили, а думать… А потом, сразу действовать…

– Ладно, действуй. Вижу, ты уже всё обдумал.

– Да, я всё обдумал. В-общем, у нас скоро распределение… Я тебе предлагаю… Нет, я хочу это лично сказать, а не по телефону… Давай, может быть, в Москве встретимся?

Права оказалась Светка! Они все перед распределением женятся, непонятно только, откуда столько невест сразу набирается? Вот и Вовка дозрел, решил жениться.

– В Москве? Конечно, круто, но я хотела сразу после получения диплома поиском работы заняться, если на кафедре работать не оставят, у нас ведь не как у вас, распределения нет, да и к поступлению в аспирантуру готовиться надо. Поэтому, насчёт встречи, не знаю, как получится… Да и вообще, есть ли смысл тебе из Сибири катиться в такую даль… Мне-то, конечно, поближе, но я и по телефону могу сказать, что я к тебе в свидетели не пойду, не обижайся.

– Какие свидетели? Ты что? Я ничего криминального не совершал… – опешил Вовка.

– Ну, значит, собираешься совершить! Я ведь угадала, ты жениться собрался?

– Вот молодец ты, Динка! С полуслова меня понимаешь!

– Так вот, Вовка. Я понимаю, что тебе, конечно, это очень надо: распределят неизвестно куда, одному ехать придётся, быт налаживать. Вовка, как друга тебя прошу – повремени ты с этой затеей. Не надо пытаться прыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Поездов будет ещё много, и придет другой, более комфортабельный, и ты спокойно будешь ехать на нём всю свою жизнь, – говорила я, и сама восхищалась своими метафорами и складностью речи.

Но Вовка моими метафорами не восхитился.

– Ты чего какую-то чушь несешь? Какие ещё поезда? Скажи нормально – да или нет?

– Вовка, я тебя очень люблю как друга, но не хочу быть свидетелем того, как ты, своими руками, сам себе можешь жизнь испортить, поэтому не буду принимать в этом участия.

Вовка молчал на другом конце трубки.

– Эй, ты чего? Не обижайся, потом ты поймешь меня…

– Да я уже и так всё понял… Ты мне отказываешь… Конечно, у тебя другая жизнь, студенты, веселье, ночные клубы, тусовки, не как у меня – казарма, построение, сборы… Я просто думал…

– И что же надумал?

– Уеду я. Туда, где жарко…

– Вот – новый поворот! Это, типа, в Крым или в Сочи? Правильно, отдохнешь, позагораешь! На море поплаваешь!

– Угу. Только там больше песок, а не море. Так что, бывай, Динка—Золотинка, поезжай на своем комфортабельном поезде, а уж я, как-нибудь, один, на своём, бронированном, – сказал Вовка и отключился.

Я осталась довольна разговором: «Спасла Вовку от опрометчивого решения! У нас с ним никогда не было тайн! За все время учебы в военном университете он ни разу не сказал мне, что влюбился в какую-то девчонку, никогда не говорил, что встречается с кем-то! Да, понимаю, что это его желание жениться было явно спонтанное, связанное с будущей неопределённостью, и, если он решил жениться на первой встречной, то вряд ли из этого брака получилось бы что-то хорошее. Конечно, страшновато, что он решил уехать в жаркие страны, полагаю, что это Сирия, но, вроде, там сейчас спокойно». Так размышляла я, стараясь оправдать себя в своих глазах, но червь сомнения уже начал вгрызаться в мое сознание: «Что-то я так и не поняла – собирается он жениться или нет, после моего отказа быть свидетелем? А впрочем, чего я мучаюсь, у него парней – курсантов много, кого-нибудь другого позовёт в свидетели, если всё-таки будет жениться и покатится с молодой женой в жаркие страны».

К сожалению, в тот период, когда почти всё мои однокурсницы сменили фамилии, под девизом «Чтобы получить диплом уже на новую фамилию!», я усиленно зубрила законы Генделя-Менделя, Гей-Люссака и других умных учёных, ни о каких ночных клубах и тусовках не помышляла, поэтому, к своему окончанию обучения я подошла в гордом одиночестве.

Очень странно, но в последний семестр почти все девчонки из моей группы умудрились выйти замуж, причём, как-то так скоропалительно. Вроде, ни с кем не встречались, все Дни рождения мы отмечали в чисто женском коллективе – и тут раз! То одна, то другая на свадьбу приглашает! Из более чем двадцати брошенных подругами букетов невесты я умудрилась не поймать ни одного, возможно, потому, что не люблю расталкивать толпу плечами, а может быть, по причине стойкого естественнонаучного мировоззрения, так как считала, что человек сам выбирает и творит свою судьбу, без помощи «волшебных букетов». Наверно, я оставалась единственной непотопляемой льдиной девственности в океане страстей и желаний, когда на нашем горизонте появился крейсер по имени Аделаида Львовна. Аделаида Львовна, статная дама предпенсионного возраста, рассекая мощной грудью толпу студенток-первокурсниц, уверенно плыла по коридору в направлении аудитории, где весело болтали мои однокурсницы, ожидая оглашения результатов защиты дипломов.

Аделаида Львовна оказалась директором средней общеобразовательной школы, находящейся в небольшом закрытом городке, на острове, который был создан природой в центре красивого, самого большого озера области. Причина, по которой Аделаида Львовна приехала в областной центр, была банальна – решение административных и хозяйственных вопросов школы в Министерстве, а вот в университет она заглянула по другой, совсем не банальной причине. В маленькой школе был острый дефицит кадров, в том числе, отсутствовал учитель химии, а химия там не простая, а с углубленным изучением, да ещё школа имеет лицензию на профессиональное обучение школьников. При школе была организована профессиональная подготовка рабочих по профессии «Контролер оптических деталей и приборов», где надо было научить всех желающих работать с микроскопами и правильно что-то контролировать. Аделаида Львовна описала заманчивые перспективы: сразу предоставляется благоустроенное служебное жилье, за которое даже коммунальные платежи платить не надо – всё на балансе школы находится, через два года получение первой квалификационной категории, а ещё через год – высшей, возможность заочно обучаться в аспирантуре и реально заниматься научной работой. По причине того, что значительная часть моих подружек уже была обременена семейными обязательствами, все взоры обратились ко мне. «Соглашайся, Динка, поработаешь, а потом в областной центр возвратишься, уже кандидатом наук, ты ведь любительница всякие эксперименты делать да исследования проводить!» – посыпались советы с разных сторон. Видя мои сомнения, Аделаида Львовна выдвинула главный козырь: «А ещё, у нас природа замечательная! Экологически чистое место, сосновый бор, чистейшее озеро, курортная зона! Люди из Москвы приезжают, большие деньги платят, чтобы здесь пожить хотя бы две недели, а я вам предлагаю жить сколько угодно, и бесплатно!»

Естественно, я не могла дать сразу согласие на такой решительный шаг, но номерами телефонов мы с Аделаидой Львовной обменялись.

Конечно, моей мечтой было поступление в аспирантуру, но, оказалось, что приоритет при поступлении сразу после окончания университета был за выпускниками, имеющими прописку в областном центре, а иногородние, то есть проживающие в общежитии, могли поступить только при наличии двухлетнего стажа работы по специальности.

Поэтому, сразу после получения диплома, я активно занялась поиском работы в областном центре. Благодаря современным технологиям этот процесс сильно упростился. Теперь не надо по понедельникам и четвергам покупать газеты с объявлениями, не надо осматривать столбы и заборы в поисках заветных листочков с надписью «Требуются». Интернет позволил раскрыть безграничные возможности, однако, чудес не бывает, или работа окажется совсем

не такой, как написано в объявлении, или для оформления потребуется что-то заплатить. Я убедилась, что сбор денег с кандидатов на вакансию – любимое занятие обманщиков, причём, самый «грибной» период сбора – это середина лета, когда новоиспечённые специалисты получают дипломы и страстно желают применить полученные в институте знания на практике.

Самое обидное, что я не могла устроиться даже в школу. Конечно, в некоторых школах были свободные ставки учителя химии, но, к сожалению, тарификация и распределение нагрузки проходит в июне, когда я ещё только защищала диплом. В июле-августе вся педагогическая нагрузка была распределена, поэтому появиться свободные вакансии могли только при счастливом стечении обстоятельств – если кто-то из учителей химии уволится или уйдёт на пенсию в начале учебного года. Конечно, такое событие было маловероятно, а устраиваться на работу продавцом или упаковщицей мне не хотелось, да и меня тоже не очень-то и хотели там видеть: «Слишком умная», поэтому я вспомнила предложение Аделаиды Львовны, нашла её телефон и позвонила.

Радость от звонка и общения была взаимная. Она уверила меня, что ещё никто не занял свободную вакансию учителя с углублённым изучением химии в школе, которой она руководит, и она будет рада видеть меня в рядах педагогического состава. Я ей честно поведала, что оставаться на всю жизнь на далёком острове я не намерена, мне только надо поработать два года для поступления в аспирантуру, на что она глубокомысленно изрекла: «Как знать, как знать… Я тоже на три года по распределению приехала, а на всю жизнь осталась. Остров такой, он зацепит, и никакого города не надо будет».

Я согласилась, и дальше мы уже стали обсуждать, каким способом мне удобнее добраться и где она будет меня встречать.

«А добираться к нам очень просто, – подробно разъясняла мне Аделаида Львовна. – Садишься вечером в поезд и спокойно спишь всю ночь, не волнуйся, ехать тебе до конечной, так что всё равно разбудят, когда все выходить начнут. Выйдешь из вагона на привокзальную площадь, а там уже ждёт автобус „Вокзал – Пристань“. Тоже не спеши, не беги, он всех ждёт, даже тех, кто приехал на озеро в первый раз и сразу бросился в здание вокзала выяснять, как до озера добраться. А тут путь один! Приезжаешь на пристань, и там не заблудишься. Увидишь маленький деревянный домик, это касса, купишь билет и садись на катер, катись по волнам. Да не переживай ты так, у нас на озере волн нет, это я образно. Доставит по назначению, а на другой пристани уже я тебя буду встречать. Да, и не пугайся, когда увидишь КПП, колючую проволоку и предостерегающие надписи „Посторонним вход воспрещён“, „По нарушителям будет открыт огонь“. Это всё остатки советского прошлого, когда-то наш городок гордо именовался ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование), а сейчас это уже другие три буквы – ПГТ (посёлок городского типа)».

Ну, мне-то было всё равно, ЗАТО или ПГТ, главное, «перекантоваться» где-то два года, до поступления в аспирантуру, да ещё получить запись в трудовую книжку о работе по специальности. Так что, ожидания были радужные! Мне понравилось всё, начиная от хорошо продуманной логистики прибытия на остров, до информации о том, что жилплощадь для проживания, хотя и в служебной квартире, предоставляется бесплатно.

Странно, но мой друг Вовка после последнего телефонного разговора мне так больше и не позвонил, а ведь я так хотела поделиться с ним новостью, что, практически, уже принята на работу! Но и сама я звонить тоже не стала – вдруг у него уже появилась молодая жена, вдруг она ревнивая и не поймет нашей с ним дружбы. Радостная весть, что я принята на работу, позволила мне, наконец, расслабиться и отдохнуть перед началом трудовой деятельности, и для отдыха я решила поехать к родителям.

Все мамины установки на тему «Сначала учиться, а потом жениться» я выполнила. Конечно, родители морально готовились, что после окончания университета их дочь займется

поисками достойного рыцаря своей мечты, но что она может выбросить другой финт, семья не ожидала.

На семейном совете я рассказала о перспективах, которые открываются передо мной: работа по специальности, научная деятельность в специализированной лаборатории, перспективы поступления в аспирантуру.

Папу больше волновала безопасность.

«Ну, это хорошо, что закрытое административно-территориальное образование. Там чужих людей нет, все свои, все друг друга знают. Это как наш маленький военный городок, у нас преступлений не бывает», – привел он свои веские доводы.

Маму же волновало другое.

– Жалко, что ты никого в институте не встретила. Вышла бы замуж, в областном центре осталась бы, – сокрушалась она.

– Мама, ты противоречишь сама себе. Как же твой главный постулат? Тем более, у нас везде одни девчонки были – и на факультете, и в общежитии.

– А я вот тоже, в институте культуры училась, на библиотекаря. Думаешь, у нас много ребят было? И ничего, встретила же твоего папу. Так что, Диночка, не переживай, твоя судьба тебя везде найдет.

– Да, тебе повезло, что папа, молодой лейтенант, после военного училища не испугался один ехать по распределению, и не женился на первой встречной. А вот некоторые мои друзья женились…

– Кого конкретно ты имеешь в виду? Владимира?

– А кого же ещё! Он мне звонил, приглашал на свадьбу! А я отказалась! Не хочу видеть, как он женится!

Родители удивлённо смотрели на меня. Первой взяла слово мама.

– Диночка, с чего ты так решила? Он приезжал сюда сразу после получения диплома. Красивый такой, в офицерской форме, кстати, скажу тебе как женщина, она ему очень идёт, – заговорщицки подмигнула мне мама. – И никакой жены при нём не наблюдалось.

– Значит, такая жена, что стыдно показывать. А может быть, она вещи собирала, ведь они куда-то на юг отдыхать собрались.

– Сомневаюсь, – включился в беседу папа. – Он после короткого отпуска сразу к службе приступить должен, когда тут по морям разъезжать? Да что там гадать! Женщины, сидеть и не высовываться. Сейчас я всё выясню.

Папа молодец! Подумал, принял решение и сразу начал действовать! Так он и на маме женился, не то, что некоторые…

Во время короткого телефонного разговора с Володиным отцом, мой папа несколько раз менял мимику с благодушно-приветливой на непонятливо-озадаченную, завершив эту метаморфозу серьёзно-озабоченным выражением лица.

– Ну, садись, рассказывай! – строго начал он.

– Куда садиться? Я и так сижу! – слабенько парировала я.

– Серёжа! Серёжа! Ты успокойся, всё наладится! Не надо волноваться! Всё будет хорошо! – тут же закудахтала мама.

– А я-то думал, чего это Александр Егорович меня избегать начал. Нет, чтобы поговорить по душам, а даже на одной дороге встречаться перестал, всегда успевал сворачивать. Я уж, грешным делом, подумал, может проблема какая у него появилась, вот он и не хочет раньше времени светиться, пытается сам вопрос решить. А вон оно как повернулось-то!

– Да что повернулось? Не тяни! – торопила мама.

– Это всё твоё воспитание! Учиться, учиться! И кому теперь эта учёная нужна? Был единственный хороший парень, который все её заумные идеи терпел! Ухаживал, как умел,

заботился, в обиду не давал! Офицером стать мечтал! И стал! – последние слова папа произнес уже строгим голосом полковника, который он никогда не использовал дома.

– Пап, ты чего? Да, я знаю, Вовка хороший, только он жениться решил.

– А на ком жениться, уточнить не догадалась!

– Как, на ком? Ну, наверно, на какой-нибудь девушке…

– На какой-нибудь девушке, – передразнил меня папа. – Да на тебе, дура учёная! На тебе!

– Как на мне?

– Ну, естественно, на Диночке, ничего другого и предположить было нельзя. Они же в школе всё время вместе были, а она у нас такая красивая, умная девочка, и университет закончила, и специальность получила, – заворковала мама.

– Так вот, твоя такая красивая и умная девочка с университетским образованием послала потенциального жениха куда подальше, в эротическое путешествие на комфортабельном поезде. А он, молодой и рьяный, подписал контракт, в общем, он теперь офицер группы Сил Специальных Операций ВС России.

– Это как «вежливые люди»? Которые в Крыму? – переспросила я.

– И в Крыму, и в Сирии, и ещё много где, о чём нам знать не положено. И ты об этом узнала и забудь. Только молись, чтобы он из командировки вернулся, да и не доставай его своими женскими заморочками: не позвонил, не встретил, не поцеловал. У таких, как он, другие задачи, и думают они не так, как герои твоих женских романов! Лирических од не слагают, красивых фраз не говорят! В общем, будь рядом, как будущая жена офицера, и создавай комфортную психологическую среду.

– Буду, буду, только, я же этого не знала… Только бы мне увидеть его, хоть на минуточку, хотя бы поговорить…

– Раньше надо было говорить. Он сейчас отправляется в… Нельзя вам это говорить, военная тайна. В общем, в одну южную страну, где сейчас горячо, а может стать ещё горячее. И куда они едут в командировку, им не положено говорить, да и лица у них всегда под маской. И, к сожалению, об их подвигах мы узнаем только тогда, когда по первому каналу сообщат… о награждении… посмертно… А может быть, и не сообщат, если «их там нет»…

– Как же так? А как же я?

– А что ты? Своей головой надо было думать, а не советы подружек слушать!

Мама с изумлением смотрела на меня.

– Диночка, ну почему ты мне не позвонила, не посоветовалась?

– Я и сама не знаю, мама. Я не думала, что всё так получится…

– Вот, сначала думай, а потом действуй, – папин пыл начал спадать.

– И Вовка так говорил, – слёзы скапливались внутри моих век и грозили перелиться через их плотину.

Мама, как самый близкий человек и соратник, тоже приготовилась заплакать. Видя такое дело, командование принял на себя папа.

– Хватит болото разводить! – решительно скомандовал он. – Надеюсь, самолет ещё не улетел. Звони!

Я лихорадочно стала набирать номер мобильного, но в ответ мне металлическим голосом автомат произнес, что номер абонента находиться вне зоны доступа.

– Отставить реветь! Вышли все отсюда! – скомандовал папа и, взяв трубку служебного телефона, начал говорить какие-то пароли и коды, о чем нам, простым смертным, знать было не положено.

Примерно через пять минут он, с облегчением и чувством выполненного долга, разрешающим жестом позволил мне взять трубку, на доступ к которой было всегда «священное табу». Мама влюблённым взглядом смотрела на папу. Счастливые! Они так смотрят друг на друга уже больше двадцати лет! Вот бы мне так!

– Заря, тебя к телефону! Срочно! – раздался крик где-то вдалеке.

– Лейтенант Зорин по Вашему приказанию прибыл! Есть, разговаривать три минуты! – я услышала в трубке голос Вовки.

– Привет, Вовка, это я, то есть, нет, это папа, это он нашёл тебя, а я плакала, и мама тоже… – бессвязно бормотала я что-то в трубку. Я так много хотела сказать ему, но мысли прыгали беспорядочной чехардой в голове и никак не складывались в связную фразу, – а «Заря» – это кто?

– Это я, вернее, это мой позывной. Его дают один раз и навсегда. А у тебя позывной – Динка-золотинка!

Я рассмеялась и перестала плакать.

– Динка, я очень рад слышать тебя! – обрадовано кричал в трубку Вовка. – Почему ты плакала? Ты что, обиделась на меня?

– Нет!

– Сильно?

– Да!

– Всё равно, ты молодец, что позвонила!

– Вовка, я не знала, что ты не женишься. Вернее, знала, что ты женишься, но не знала, что на мне…

– А разве это и так не понятно?

– Не понятно! Ты ведь никогда не говорил мне, что любишь, да и вообще, никаких ласковых слов не говорил… Вообще, ты говорить не умеешь!

– Да, Динка, это наверно, так… Не умею я соловьём заливаться… А ты, как дочь офицера, должна знать, что армейский язык строг, суров, краток, и предназначен для проведения в жизнь эффективных действий, порой неприятных…

– Да я знаю, но сама не знаю, как тебе главное сказать. Прошу тебя, не надо, не уезжай в жаркие страны, я с тобой поеду, куда направят, туда и поеду, и вместе с тобой буду…

– Динка, уже всё решено, и сейчас уже изменить ничего нельзя, – сказал он сразу ставшим серьёзным голосом. – Мы уже борт ожидали, когда меня к служебному телефону вызвали.

– Да, сейчас заканчиваю, – я услышала, как он говорит кому-то в помещении.

– Динка, чтобы ни случилось, знай, что я люблю, всегда любил тебя и буду любить. Вечно!

– Вовка, почему ты никогда не говорил мне об этом? Может быть, я не была бы такой дурой, и сейчас всё было бы иначе?

– Так всё же и так понятно было! Да ты не волнуйся, через два года я вернусь, живой и здоровый, и мы ещё сыграем свадьбу! Мы закатим такую сногсшибательную свадьбу!

– Не надо ничего сногсшибательного… Это все антураж, это не главное! Просто возьми меня за руку и не отпускай никуда… Крепко держи, чтобы я всегда чувствовала твою крепкую и надежную руку. Ты можешь быть близко, далеко – это не важно. Просто, когда я знаю, что есть такой человек, мужчина, мой мужчина, ничего другого уже будет не надо. Должен быть кто-то, к кому можно прижаться и пожаловаться, ничего не говоря, кто погладит по голове и поцелует, кто будет молча любоваться и хотеть быть рядом… Так трудно заставить поверить в это, но все в твоих силах, и стоит тебе захотеть, и никто другой будет не нужен! Я буду ждать тебя! И ты звони! В любое время звони!

– Хорошо, когда получится, я буду звонить. Но там со связью проблемы, вернее, мобильные телефоны мы здесь оставляем, а звонить я с базы буду, по служебному. Но ты не пугайся, когда я приеду, я в зоне доступа буду и сразу тебе позвоню. Главное, ты верь… – в трубке раздались длинные гудки.

– Мужик! – одобрительно сказал папа. – Человек – это или с детства или никогда!

Я всё ещё держала трубку в руках и боялась положить её на рычаги старого телефонного аппарата, как будто через трубку, как через таинственный портал, всё ещё осуществляется

моя связь с человеком, который незримо был всегда рядом, и которого я всегда считала своим верным другом: «Вот что оказывается… Я никак не могла поверить в то, что это была не только дружба, оказывается, он меня любит и любил все эти годы!»

Папа осторожно разжал мои пальцы и положил трубку на место.

– Ну, как же так? Мама, разве можно меня любить? Я ведь рыжая, тощая, в очках, и вообще, я некрасивая. С какой стати он меня любит?

– Доченька, да что ты! Ты же очень красивая, стройная, и не рыжая вовсе, а медно-золотистая, не зря же тебя Володя «Золотинкой» называет. У тебя же волосы папины, а его никто рыжим не считает.

– Но папа-то не рыжий, а седой. Я никогда его рыжим не видела.

– Конечно, ты же маленькая была, когда он ещё не поседел, да ещё он всегда очень коротко стрижется. Поверь, это так. И ты будешь счастливая… Всё сложится…

– А у меня складывается впечатление, что, кроме впечатлений, у меня ничего не складывается…

– Ну вот, всё же разрешилось! – радостно сказала мама. – А теперь пойдемте пить чай, пока мы тут переговаривались, пирог с черникой уже подоспел.

– Вы уж тут сами, девчонки, чаевничайте. А я пойду к Александру Егоровичу, надо с будущим сватом отношения налаживать, – сказал папа, вынимая из бара бутылку коньяка.

– Вот увидишь, всё будет хорошо! – с оптимизмом произнесла мама.

Мне только хотелось уточнить: «У кого?», но мама продолжила: «Диночка, девочка, теперь тебе надо только одно – научиться ждать! Ждать всегда… Когда понимаешь, что это именно тот человек, который тебе нужен, что это твой человек, ты должна быть готова ждать его. Ждать целую вечность, и, неважно, во что ты будешь одета, какое у тебя настроение и какие мысли в голове, какие люди тебя окружают, и какие планы ты строишь на будущее. Важно одно: ты ждешь именно его, человека своей судьбы, всегда, в любом городе и на любом континенте, в любой гостинице и на любой автостраде, на земле или там… высоко, в небе. Знай, если ты будешь ждать, он будет с тобой! Он будет в твоих мыслях, в твоём сердце и тебе не будет одиноко и ему не должно быть так одиноко, как было бы, если ты он был один. Берегите себя друг для друга, и, только об одном тебя прошу, не совершайте больше таких ошибок, когда окажется, что все ожидания были напрасны…»

Я, конечно, очень люблю мамин пирог с черникой, но сейчас у меня было столько новой информации, новые эмоции обуревали меня, что я сказала маме: «Спасибо, мне надо побыть одной!» и ушла в свою девичью комнату осмысливать и раскладывать по полочкам своей логики то, что я сейчас услышала.

Оказывается, это так важно – быть любимой. По настоящему, всерьёз, быть единственной и необходимой, без опасений, без подозрений и тревог, без страха и пустых сомнений, просто – быть любимой! И любить самой…

Глава 5. Вперёд, к новым берегам!

Я села на поезд, следовавший из Москвы до этого заповедного озера, в своём областном центре, поздно ночью, поэтому не успела узнать ничего о своих попутчиках. Утром, когда поезд пришел на конечную станцию, в маленький районный городишко, расположенный на берегу озера, и весёлая, галдящая толпа высыпала на перрон, моя душа расцвела в радостном ожидании. В-основном, все приехавшие были людьми молодыми, до тридцати лет, с загорелыми лицами, с рюкзаками и гитарами за плечами. Как здорово, если все поедут туда же, куда и я!

На привокзальной площади, мой оптимизм немного приугас, так как там стояло много автобусов и микроавтобусов с надписями «База отдыха «Сосновая», «База отдыха «Озерки», «Дом отдыха «Сосновый бор». Сплочённая толпа попутчиков стала рассеиваться по средствам наземного транспорта, среди которых я с трудом нашла свой, самый невзрачный, городской автобус рейса «Вокзал – пристань». Как хорошо, что следуя указаниям Аделаиды Львовны, я заранее сняла в банкомате наличные деньги, так как в автобусе всех радостно встречал кондуктор в лице солидной дамы, занимавшей, наверно, 1/3 пространства автобуса, продававшей бумажные билетики за наличные деньги. Разместившись в автобусе, я вдруг осознала, как далеко я нахожусь от цивилизации с её транспортными картами, валидаторами, QR-кодами! Ведь это целый районный центр, а что будет на острове? Я даже не спросила у Аделаиды Львовны, есть ли там Интернет? Стало немного страшно. Со мной сели ещё несколько женщин, сразу видно, местных и знакомых между собой, т.к. они активно начали обсуждать последние городские новости. По ходу их разговора я узнала, что они ездили к детям, кто в областной центр, а одна из них – даже в Москву, но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

Автобус колесил по улицам городка, люди входили и выходили на остановках, но к конечной остановке – пристани, мы приехали в том же составе: я и эти женщины.

Да, у пристани уже стоял маленький катерок и ждал нас. В окошке деревянной будки с названием «Касса» я купила билет, опять же, за наличные! И чего переживают, что Россию от системы Свифт могут отключить? В глубинке этого даже не заметят, здесь даже кассовых аппаратов нет, а размер сдачи кассир, женщина предпенсионного возраста, подсчитала мне на обычных бухгалтерских счётах.

Увидев на лице моё удивление, попутчицы посчитали нужным утешить меня: «Да не волнуйся так, девушка. Это Марья Петровна, она у нас на заводе главным бухгалтером была, считать хорошо умеет, всегда всю зарплату, до копеечки, вовремя выдавала. Вот завод закрылся, а ей до пенсии надо год доработать, и пришлось сюда устроиться. Она с утра, с первым катером приезжает, а вечером, с последним, уезжает. А ты к нам в гости? И к кому же? В школу, учительницей? Правильно, у нас хорошо, воздух сосновый, лечебный, озеро чистое, купаться можно, загорать. Правда, надо было бы в июле приезжать, тогда жара стояла, но и сейчас, в конце августа, тоже хорошо, конечно, не особо загоришь, но риска обгореть нет».

Информация сыпалась как из рога изобилия, я не успевала вставить ни слова. Наверно, за долгую дорогу они уже перемыли косточки всем знакомым, узнали все новости друг друга – и тут я, новый объект.

«Нет, я работать еду, в школе, учительницей», – только успела промолвить я, как бравый усатый моряк (да, он был в морской тельняшке и в бескозырке) положил доски на бортик катера, соединив его таким не очень надёжным трапом с пристанью.

«Трап подан. Пожалуйте, дамочки!» – пригласил он ожидающих на берегу пассажиров.

В отличие от других, я с опаской встала на эти, двигающиеся в такт слабым волнам, доски, но джентльмен в тельняшке, подхватив мой чемодан, галантно подал руку и принял меня на борту судёнышка.

Нет, у меня нет водобоязни, и, хотя всю жизнь я прожила в военном городке, расположенном в густом лесу, я даже умею плавать, так как каждое лето родители вывозили меня к морю. К сожалению, я ни разу не была за границей, в Турции, в Египте, в Тунисе, и не знаю, что такое «Всё включено», потому что отец был не выездной по причине секретности. Отдыхать приходилось на нашем любимом Чёрном море, в военных санаториях и домах отдыха. Там я и научилась плавать, сначала в детских бассейнах, потом во взрослых, и, наконец, как малёк, выросший до нужных размеров, я была выпущена на волю, в морские воды. Я привычно двигала руками и ногами, пока что-то, противное и скользкое, не зацепилось за мою ногу. Я решила встать и посмотреть, что это? Но, какой ужас обуял меня, когда я поняла, что подо мной нет дна и рядом нет бортика, за который можно было бы ухватиться! Это только в фильмах показывает, что тонущий человек кричит, бьёт руками по воде. Нет, я начала тонуть сразу и тихо. Просто погрузилась по глаза в воду и поняла: «Я тону». Хорошо, что папа был рядом, он выхватил меня, так и не успевшую утонуть по-настоящему, из воды, снял с моей ноги запутавшуюся водоросль, и пытался понять, почему так хорошо выработанные и закреплённые в бассейне рефлексы не сработали в естественной среде.

В общем, после того случая я не особо стремилась поплавать в каком-либо водоёме, причём, не только непосредственно своим телом, но, даже, и на поверхности чего-нибудь плавучего.

Вот и сейчас, первым делом я приметила, где находятся сложенные спасательные круги, и села рядом с ними. Хорошо, что мои попутчицы предпочли общество галантного боцмана и с удовольствием внимали сладкий мёд его флирта. Он умудрялся обычную фразу, типа: «Клавдия Петровна, Вы у сыночка долго гостили, целый месяц Вас видно не было» сказать таким тоном, как будто это было: «Моя сладкая кошечка, твой пупсик уже соскучился и хочет видеть тебя во всей красе».

Сидящая невдалеке от меня женщина средних лет, обделённая внимание такого ухажера, зло ворчала: «Вот, пятерых детей нарожал, а всё ему мало, кобелю. Седина бороду, а всё туда же…»

Я сосредоточилась на созерцании проплывающих мимо красот. Это были небольшие островки, на которых горделиво возвышались столетние сосны. Покоем и умиротворённостью веяло от этих видов. Да, Аделаида Львовна была права! Как же здесь красиво! Хотя я всю жизнь прожила в густом лесу, но вокруг нашего городка были мохнатые ели, а не такие стройные сосны с золотыми стволами.

Через полчаса пути катер начал притормаживать, народ зашевелился. Я посмотрела вперёд. На пристани стояло строение с надписью «КПП» и другими, не менее строгими надписями: «Вход только по пропускам», «Посторонним вход воспрещён. По нарушителям будет открыта стрельбы без предупреждения!» и прочее. От КПП во все стороны расходились ряды колючей проволоки.

Собеседницы, увидев моё смятение, успокоили: «Да ты, девочка, не бойся! От КПП только будка осталась, теперь проходить без пропусков и без специальных приглашений можно. Проволока теперь только у пристани осталась, остальную жесть наши деятели на металлолом сдали, а здесь оставили, чтобы туристы—дикари к нам не шастали, у нас ведь, как при коммунизме, все свои, все друг друга знают, а если чужие люди придут, мало ли что произойти может». С этими словами они покинули речное судно, я оставалась последняя. Галантный кавалер в морской форме помог мне вынести на берег чемодан, подал руку, но без учтивости, а так, как положено для обеспечения безопасности, и со страхом стал поглядывать на берег. Из помещения КПП появилась и гордо, основательно, встала на причале, как башня маяка на крутом берегу, уже знакомая мне Аделаида Львовна. Она стояла, уперев руки в бока и серьёзно глядя на боцмана.

– Вижу, привёз, – одобрительно произнесла Аделаида Львовна и, уже обращаясь ко мне. – Не волнуйся, это супружник мой. Доставил тебя в целости и сохранности, как я велела.

Интересно, а если бы она не велела, всё было бы иначе? Он бы что, сказал: «А теперь поедем на острова! Кутить! Сейчас цыган позовём, Карандышева, а потом он Вас застрелит, любезнейшая». К чему это мне сейчас «Бесприданница» Островского припомнилась?

– Здравствуй, Диночка! Я так рада, так рада, что ты не испугалась и приняла моё предложение. Пойдем, всё покажу! У нас здесь хорошо, воздух чистый, сосновый, полезный, птички щебечут, машин нет. Пойдём, пойдём! – она с легкостью подхватила мой чемодан, не дав ему передвигаться привычным способом – на колёсиках, и крепкими мужскими шагами пошла вперёд.

Мы прошли через КПП на выход. «По дороге из жёлтого кирпича шла Элли в Изумрудный город в поисках своего счастья», – подумала я, стараясь поспевать за моей спутницей и идти не по центру дороги, а ближе к обочине. Правда, дорога не была жёлтая, а обычная, серая, асфальтированная, да и я не Элли, а Дина, и город не Изумрудный, а посёлок городского типа с бесхитростным названием «Сосновый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.